

Православный

ИЮНЬ 2021

ВЕСТНИК

Свято-Николаевский Храм Русской
Православной Церкви Заграницей
г. Аделаида, Австралия

Содержание

- 3** День Святой Троицы
4 О «Троице» Андрея Рублёва

7 Беседа христианина с
магометанином об истине
Пресвятой Троицы

13 Митрополит Антоний
(Храповицкий)

17 Почему Церковь
отказалась венчать еретиков

19 Книжная новинка

20 Плюшка

25 Объявление

26 О зависти

29 Хроника скаутской
жизни

Редакционная коллегия:

Протоиерей Владимир Дедюхин,
Константин и Наталия Жуковские

www.saintnicholasadelaide.org.au

e-mail: St.Nicholas.Vestnik@gmail.com

День Святой Троицы

20 июня 2021 года

Один из главных христианских праздников – День Святой Троицы – отмечается на 50-й день после Пасхи. В православии он относится к числу двенадцатых праздников и прославляет Пресвятую Троицу. А Пятидесятницей он называется потому, что сошествие Святого Духа на Апостолов совершилось в пятидесятый день по Воскресении Христовом.

После вознесения Иисуса Христа наступил десятый день: это был пятидесятый день после Воскресения Христова. У евреев был великий праздник Пятидесятницы в память Синайского законодательства. Все апостолы вместе с Божией Матерью и с другими учениками Христовыми и прочими верующими единодушно находились в одной горнице в Иерусалиме.

«Был третий час дня, по еврейскому счету часов, то есть, по-нашему – девятый час утра. Вдруг сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где находились ученики Христовы. И явились огненные языки и почили (остановились) по одному на каждом из них. Все исполнились Духа Святого и стали славить Бога на разных языках, которых прежде не знали».

Так Дух Святой, по обетованию Спасителя, сошёл на апостолов в виде огненных языков в знак того, что Он дал апостолам способность и силу для проповеди Христова учения всем народам; сошёл же в виде огня в знак того, что имеет силу опалить грехи и очищать, освящать и согреть души.

В Иерусалиме в это время было много евреев, пришедших из разных стран на праздник. Апостолы вышли к ним и стали проповедовать на их родных языках воскресшего Христа. Проповедь так подействовала на слушавших её, что многие уверовали и стали спрашивать: «Что же нам делать?» Пётр ответил им: «Покайтесь и креститесь во имя Иисуса Христа для прощения грехов, тогда и вы получите дар Святого Духа».

Уверовавшие во Христа охотно приняли крещение, таких оказалось в этот день около трёх тысяч человек. Таким образом, начало устраиваться на земле Царство Божие, то есть Церковь Христова, и поэтому этот день считается днём рождения Церкви.

В этот праздник в церквях сразу после Божественной литургии, совершается вечерня в

воспоминание сошествия на святых апостолов Духа Утешителя. Во время этого богослужения читаются коленопреклонённые молитвы, о ниспослании и нам Духа Святого, Духа премудрости, Духа разума и страха Божия (молитва коленопреклонённая после сугубой ектении).

Святая Церковь молится о даровании благодати Духа Святого всем присутствующим, а также прежде усопшим отцам и братьям нашим и прочим сродникам по плоти, чтобы и они устроились быть участниками Царства Славы в стране живых... «заче ни един есть чист пред Богом от скверн, ниже аще един день живота его есть» (молитва коленопреклонённая после «Сподоби, Господи, в вечер сей»).

Православные христиане в этот день украшают дома и храмы зелёными веточками березы, цветами.

Обычай этот идёт ещё от Ветхозаветной Церкви, когда дома и синагоги украшались зеленью в Пятидесятницу в память того, как при Синайской горе всё цвело и зеленело в день, когда Моисей получал скрижали закона. Сионская горница, где на апостолов сошёл Святой Дух, в то время, по общему обычаю, тоже была украшена ветвями деревьев и цветами.

В праздник Троицы вспоминают и явление Аврааму Троицы в Мамврийской дубраве, поэтому украшенный зеленью храм напоминает и ту дубраву. А ещё цветущие ветви напоминают нам о том, что под действием благодати Божией человеческие души расцветают плодами добродетелей.

О «Троице» Андрея Рублёва

*«Великое не возникает случайно и не бывает капризной вспышкой:
оно есть слово, к которому сходятся бесчисленные нити,
давно намечавшиеся в истории.
Великое есть синтез того, что по частям фосфорически мерцало во
всем народе; оно не стало бы великим, если бы не разрешало собою
творческое томление всего народа»¹*

Павел Флоренский

Исследователи считают, что икона была написана в 1420-х гг. и её автором является преподобный Андрей Рублёв. О самом Андрее Рублёве известно очень мало, только то, что он принял монашество, жил и работал в тех монастырях, которые были связаны с именем прп. Сергия Радонежского. Эта икона была написана для иконостаса Троице-Сергиева монастыря. Авторство Андрея Рублёва подтверждается преданием, сохраняемым через многочисленные поколения иноками монастыря.

История создания величайшей иконы человечества примерно такова. Игумен Никон (ставший после Сергия Радонежского настоятелем Троице-Сергиева монастыря) очень сокрушался, что вновь воздвигнутый белокаменный Троицкий собор не был украшен живописью. Предчувствуя скорую кончину свою и желая завершить убранство собора при жизни, Никон призвал для работы Андрея Рублёва и Даниила Чёрного – прославленных живописцев, «изрядных вельми, всех превосходящих и в добродетели совершенных». Работа заключалась не только в том, чтобы расписать стены храма. Кроме этого, надо было написать большое количество икон для высокого многоярусного иконостаса. Игумен Никон ещё при жизни своей хотел не только видеть храм украшенным, но и написанной икону, которая должна была стать главным памятником «в похвалу Сергию Радонежскому».

Приступать к росписи соборных стен можно было только через год после его постройки, когда росписям уже не будет угрожать осадка здания. Но работы по внутреннему убранству храма можно было начинать сразу после окончания его строительства. И первой заботой было создание главной иконы – «Троицы», которая должна была стоять по правую сторону царских врат.

«Троица» с момента своего создания была любимейшей иконой древнерусских художников, служила образцом для бесчисленных копий и воспроизведений. Но судьба самого Андрея Рублёва и многих его творений драматична и в какой-то мере даже необъяснима. Смирный инок, он всю жизнь свою посвятил созданию фресок и икон на религиозные сюжеты. Уважаемый и широко известный, ещё при жизни названный «преподобным», через какое-то время он был забыт потомками, а многие творения его оказались утраченными. Даже в начале XX века некоторые специалисты не могли достоверно назвать ни одного его произведения. Осталось лишь имя, да и то знали его только любители древнерусского искусства.

«Троица ветхозаветная» связана с текстом книги Бытия (гл. 18), где повествуется о явлении праотцу Аврааму трёх ангелов.

И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатёр [свой], во время зноя дневного.

Он возвёл очи свои и взглянул, и вот, три

мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатёр [свой] и поклонился до земли,

и сказал: Владыка! если я обрёл благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего;

и принесут немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом,

а я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши; потом пойдите [в путь свой]; так как вы идёте мимо раба вашего. Они сказали: сделай так, как говоришь.

И поспешил Авраам в шатёр к Сарре и сказал [ей]: поскорее замеси три саты лучшей муки и сделай пресные хлебы.

И побежал Авраам к стаду, и взял телёнка нежного и хорошего, и дал отроку, и тот поспешил приготовить его.

И взял масла и молока и телёнка приготовленного, и поставил перед ними, а сам стоял подле них под деревом. И они ели.

И сказали ему: где Сарра, жена твоя? Он отвечал: здесь, в шатре.

И сказал один из них: Я опять буду у тебя в это же время [в следующем году], и будет сын у Сарры, жены твоей. А Сарра слушала у входа в шатёр, сзади его.

Авраам же и Сарра были стары и в летах преклонных, и обыкновенное у женщин у Сарры прекратилось.

Сарра внутренно рассмеялась, сказав: мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? и господин мой стар.

И сказал Господь Аврааму: отчего это [сама в себе] рассмеялась Сарра, сказав: “неужели я действительно могу родить, когда я состарилась”?

Есть ли что трудное для Господа? В назначенный срок буду Я у тебя в следующем году, и [будет] у Сарры сын (Быт 18:1-14).

И в назначенный срок Сарра родила Аврааму сына, Исаака, в дальнейшем потомстве которого через Богом определённое множество поколений родился Иисус Христос.

Казалось бы, иконописец, вознамерившийся изобразить в красках этот сюжет, должен представить на нём всех действующих лиц. Но на иконе отсутствует сам Авраам и Сарра, а также слуга. В этой связи интересно привести слова академика Раушенбаха из его работы «Предстоя

Святой Троице»: «В предшествовавшее Рублёву время все иконы Троицы писались по типу, известному как “Гостеприимство Авраама”. Здесь изображалась не только Троица, но и Авраам с Саррой, угощающие дорогих гостей, иногда и заклание тельца отроком. Это сразу снижало возникающий образ, приближало его к повседневному земному быту – он представлял уже не горний мир, но мир дольний, который, правда, посетил Бог. Здесь необходимо заметить, что композиции, изображающие Троицу в виде трёх ангелов, существовали и до Рублёва, но отсутствие в них Авраама и Сарры объясняется совсем просто: для их изображения не хватало места. Такие композиции встречаются лишь на панagiaх, доньшках небольших сосудов и в других случаях, когда иконописец был сильно ограничен размерами предоставленного ему поля. Как только размер священного изображения увеличивался, в поле зрения обязательно возникали Авраам и Сарра... Появление в XV веке “Троицы” Рублёва не было следствием постепенного развития, это был скачок, нечто взрывоподобное. С поразительной смелостью художник совершенно исключает сцены гостеприимства, убирает все дольнее. Стол более не уставлен “столовыми приборами” по числу вкушающих персон – это уже не

совместная трапеза, которая может сплотить членов единого товарищества, а евхаристия, объединяющая не в товарищество, а в Церковь. Рублёву удаётся сделать так, что созерцающий икону видит полный троичный догмат».

У Рублёва нет ничего лишнего, у него всё работает на то, чтобы возвысить икону от изображения конкретной ситуации – явления Трёх Ангелов Аврааму и Сарре у дубравы в Мамре до художественного проникновения в Тайну. Тайну предвечности Бога. Тайну Троичности Бога. Трое сидят за столом и ведут молчаливую беседу. Единство связывает Их: Они – трое, но одновременно Они – одно. Непостижимо, но, одновременно, и абсолютно, истинно, безусловно. В этом смысле икона как бы подчёркивает тот факт, что Авраам и Сарра лишь принимают откровение, и, исключая их из изображения, иконописец ставит нас на их место, делая нас созерцателями содержания этого откровения.

Три изображённых Ангела совершенно однотипны. Между ними нет никаких видимых различий – так у нас возникает ощущение того, что богословы сформулировали как “единосущность трёх Ипостасей, трёх Лиц Бога”, их неслиянность, и нераздельность. Композиция иконы строится по принципу круга, и мысль всматривающегося в Троицу тоже движется по кругу, точнее, мы будто не в силах выйти за его пределы. Этот круг и объединяет трёх Ангелов в неразделимое, в Троицу.

Может быть, именно поэтому не просто однозначно определить, который из Ангелов представляет какое Лицо Святой Троицы. Существует множество различных мнений, и авторы, высказывающие их, всякий раз находят аргументы в пользу того или иного способа идентификации Лиц Святой Троицы на иконе. При этом аргументы их оппонентов звучат не менее убедительно, оставляя нас перед простой истиной: на иконе изображены три в единстве, а не трое по отдельности, при этом в изображении остаётся место для Тайны. Как писал свт. Иоанн Дамаскин, все три ипостаси Святой Троицы «соединены неслитно» и «нераздельно разделены»².

Все Ангелы рублёвской «Троицы» обращены друг к другу неслучайно. Замкнутость круга

общения, когда Ангелы склоняются друг к другу и к чаше, когда даже их взгляды образуют круг... Так предстоящий перед иконой человек втягивается внутрь иконы, и взгляд его невольно фокусируется на чаше – чаше жертвы. Она центр. Она главное. И нам, смотрящим на икону, открывается ещё одна тайна Бога – тайна бесконечной Божественной Любви к нам. Ведь это из любви к нам, людям, Бог посылает Своего Единородного Сына в наш мир – жертва, искупающая человечество, жертва, выкупающая человечество из плена греха. Конечно, чтобы увидеть такие глубины в образе рублёвской «Троицы», нужно хотя бы минимально знать образную систему иконописи. Но вот следующее открытие сможет сделать любой, кто внимателен к своим ощущениям. Потому что каждый, кто хоть раз останавливал свой взгляд на «Троице» невольно отмечал ощущение покоя, чувство прикосновения к вечности, надмирность образа. Это тоже неслучайно. Это иллюстрация того, что три Лица Троицы существуют всегда, иллюстрация тезиса о предвечности.

И даже древо, присутствующее на изображении позади среднего ангела оказывается уже не только символом одного из деревьев дубравы, но и символом древа жизни, к которому должен вернуть человека промысел Божий. Слева на заднем фоне видны палаты, символизирующие Божие домостроительство нашего спасения. Справа мы видим гору, которая помимо привязки к местности, где происходили описываемые события, означает ещё и молитвенное духовное восхождение к горнему миру. Стол обозначен иконописцем скорее как престол, за которым пребывают три Ангела. Мы не можем видеть того, что написано на столешнице, т.к. там стёрся живописный слой и остался только грунт. Средний Ангел благословляет чашу, стоящую на столе. Эту же чашу благословляет Ангел, находящийся по правую руку среднего Ангела. Чаша похожа на потир и на дискос одновременно. В чаше находится голова тельца – символ жертвенного агнца, как чаша стоящая на престоле – по этой причине эту икону связывают с образом Евхаристии, как образом благодарения Отца за жертву Сына во Святом Духе. Как предполагается, правый Ангел протягивает

руку не в пустоту, а к евхаристическому хлебу в форме треугольничка. Как считают специалисты, на поверхности стола были изображены три таких треугольных частицы: другие две находились в левой части верхней поверхности.

Следует сказать о том, что икона много раз обновлялась, на неё сверху был одет драгоценный оклад. В 1904 г с неё был снят оклад, под которым оказалась палехская живопись XIX века. Началась долгая работа по расчистке (икона была обновлена в местах утраты). Окончательная расчистка была совершена лишь в 1918 г., при этом открылись удивительные краски исходного рублёвского образа, но вскоре после открытия исходного слоя, он начал быстро портиться и пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержать

этот процесс. В 1929 г. икона была изъята из монастыря и привезена в Третьяковскую галерею, где она хранится и поныне.

Примечания:

1. Флоренский П. Троице-Сергиева лавра и Россия. Т. 2. М., 1996. С. 360.

2. Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Книга третья, гл. VIII.

По материалам статей:

<http://andrey-rublev.ru/andrey-rublev-troitsa.php>

<http://nesusvet.narod.ru/ico/books/raushen/predstoya.htm>

<https://rg.ru/2020/06/07/troica-cto-zashifrova-no-na-znamenitoj-ikone-rubleva.html>

Беседа христианина с магометанином об истине Пресвятой Троицы

митрополит Антоний (Храповицкий)

Ибрагим, старый татарский мулла, был хороший знакомый псаломщику Ивану Федотовичу, который умел прекрасно говорить по-татарски; они часто рассуждали о вере и спорили, какая вера лучше – татарская или русская. Однажды после долгого спора Ибрагим сказал:

– Ты умный человек и если бы ты согласился прочитать наш Коран, то наверно сделался бы добрым магометанином.

– А я тебе хотел сказать, что ты очень добрый человек, – отвечал псаломщик, – и если бы ты узнал нашу веру, если бы хотя прочитал Новый Завет, то полюбил бы христианство и постепенно убедился бы в его правоте и принял бы крещение.

– Знаешь что, воскликнул мулла, дай мне твой Новый Завет, а я тебе дам Коран. Назначим 40 дней срока, чтобы нам узнать новую книгу чужой веры, а до того времени не будем говорить о вере ни слова и даже видаться друг с другом не будем.

Как сказали, так и сделали. Иван Федотович начал читать Коран, а Ибрагим Гасанов Новый Завет. Хотелось им при встрече друг с другом поговорить, но, помня свои зарок, они расходились молча; и только на 40 день Ибрагим рано утром пришёл к псаломщику с книгой; щеки его горели и глаза блестели: он хотел говорить о Евангелии и о Посланиях Апостольских, но удержал себя и спросил псаломщика:

– Понравился ли тебе Коран?

– Многое понравилось, отвечал псаломщик, но это я знал и раньше из христианских книг, которые написаны до Магомета и из которых Магомет научился, как проповедовать людям, что Бог велик и свят, что мы должны в том полагать свою жизнь, чтобы слушаться воли Божией, покоряться той участи, какую Он нам посылает, помогать бедным и пр.; не правда ли, ты всё это читал в Новом Завете?

– Читал, но ведь Магомет учил ещё многому, кроме того, что ты сказал. А всё, что

Магомет говорил сверх Нового Завета, мне не понравилось, – отвечал псаломщик, – но, если я начну говорить об этом, ты рассердишься, а лучше ты обрадуй меня, – расскажи, что тебе понравилось в христианской вере.

– Мне почти всё понравилось, отвечал мулла: я жалею, что раньше не читал ваши книги; ты знаешь, я прямой человек и не люблю лукавить, как другие, а потому хоть и тяжело мне признаться, но скажу тебе, как доброму человеку, по секрету от моих жён и приятелей, что когда я читал слова Иисуса о прощении врагов и любви к Богу, то я плакал от радости и целовал книгу; а когда прочитал о подвигах Апостола Павла в Деяниях, то дал себе слово больше никогда не проклинать его, как делал раньше. Но всё-таки я не могу быть христианином. Вот ты сказал, что Магомет ничего доброго не прибавил к христианской вере, а я скажу: хотя много доброго он убавил, но и прибавил одно доброе: лучше сказать – исправил вашу веру в одном правиле. Он сказал, что Бог один, а вы учите, что богов три: Отец, и Сын, и Святой Дух.

Федотович замахал руками и воскликнул:

– Мулла, как тебе не стыдно клеветать на нас! Пусть, – прибавил он спокойнее, – пусть такие глупости говорят ваши невежды – торговцы, или те хитрецы, которые, рассуждая о вере, не истины ищут, а стараются обмануть простых людей, а ты ведь не напрасно называешь себя прямым человеком; ну, скажи, где же ты прочитал в Новом Завете о трёх богах? Ведь Иисус Христос прямо говорит: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога» (Ин. 17:3).

– Так, так, – отвечал Ибрагим. – Апостол Павел говорит: «Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас» (Еф. 4:6). И много других есть изречений в Новом Завете о единстве Божию, а по другим изречениям выходит, что и Иисус есть Бог, Святой Дух – Бог; значит три Бога?

– Поговорим об этих изречениях подробнее, – сказал Федотович. – Я по крайней мере вижу, что ты всё-таки читал мою книгу, а поэтому я успокоился. Итак, ты согласен с тем, что в Евангелии Иисус Христос признаётся Богом?

– Знаю, зачем ты меня об этом спрашиваешь: прежде, со слов наших старых мулл, я говорил,

что в Евангелии Иисус не признаёт Себя Богом, и что это выдумали позднейшие христиане, начиная с Апостола Павла. Теперь, прочитав Евангелие, я знаю, что в нём изложена та же самая вера, которую проповедовал Павел, и которую вы содержите, потому что, если Иисус и не сказал ни разу прямо: «Я Бог», то всё-таки давал всем понять, что Он Бог, потому что говорит: «Я и Отец одно», и когда его спросили: «Кто же Ты»? Он отвечал: «От начала Сущий» (Ин. 8:25), а затем прибавил: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Ин. 8:58).

– Ах, как мне радостно слышать слова евангельские из твоих уст! – воскликнул снова псаломщик Федотович на этот раз уже не с гневом, а с удовольствием. – Как рад я, что ты больше не будешь обвинять Апостола Павла и христиан в искажении Евангелия.

– Напрасно радуешься, – ответил мулла, – пока я думал, что учение о Троице выдумали христиане, я не считал Евангелие учением многобожников, а теперь, хотя полюбил твоё Евангелие больше прежнего и прибавлю по секрету – больше нашего Корана, но вижу, что наравне с самыми святыми истинами о жизни нашей, оно содержит учение о трёх богах.

Псаломщик опять заволновался:

– Да ведь сам же ты привёл слова Нового Завета о единстве Божию.

– Да тем хуже, что Завет ваш сам себе противоречит: сколько ни говори, что Бог един, но если у Бога есть ещё Сын, то будет два бога, а если есть ещё Дух Святой, Который не Отец и не Сын, то уже выйдет три бога, а не один.

Когда мулла говорил эти слова, то к говорящим подошёл сгорбленный старичок-странник, одетый очень бедно, в лаптях, в широкой шляпе, опираясь на простую палку. Он поклонился сидевшим на брёвнах собеседникам и, видимо, готовился попросить у псаломщика гостеприимства, но, услышав последние слова татарина, он друг встрепенулся, вытянулся во весь свой рост и, остановив рукою псаломщика, который хотел что-то сказать, обратился к Ибрагиму с вопросом:

– А ты Евангелие прочитал?

– Да, – сказал тот, – и Евангелие и Послания.

– Слава Богу, вздохнул странник: уже за одно это скажу тебе, что ты хороший человек.

– А ты, старик, какой человек? – спросил

мулла, удивляясь его смелости и не зная, сердиться ли ему или смеяться: меня хорошим вся деревня называет, а твою похвалу, пожалуй, назад возьми: тебе Федотович и так даст кусок хлеба и ночлег.

– Да, я и голоден, и спать хочу, – сказал старик, – и человек самый худой, но Спаситель мой, Христос, лучше всех, и для Его славы и для спасения твоей души я буду не спать всю ночь и не есть сегодня и завтра, если только ты согласишься один час поговорить со мною о Пресвятой Троице.

Мулла с удивлением смотрел на этого нищего, которого бледное лицо разгоралось, а глаза устремлялись к небу.

– Зачем тебе голодать, – сказал он, – вижу, что ты человек благочестивый, пойдём все трое ко мне, подкрепимся пищей и послушаем тебя.

Когда они вошли в дом, то две жены муллы с удивлением посматривали из-за занавески на вошедшего нищего, – Федотовича они и раньше часто видели у своего господина и ему не удивлялись. Однако, когда мулла подошёл к занавеске брать от них кушанье, то они молча подавали ему всё так, как нужно для трёх человек.

Приняв пищу вместе с гостями, мулла обратился к гостю-старика:

– Дед, я догадался, о чём ты будешь говорить мне, но я это слышал уже от его сына-семинариста (он указал на псаломщика), ты, наверно, скажешь, что Бог один, но в Нём три личности, и три эти личности составляют одно, как в солнце свет и теплота одно, или во рту человека дыхание и слово, а человек один. Только мне эти сравнения показались пустыми: я сам могу назвать тебе много вещей, которые состояли из отдельных частей, а все части составляют одно; вот и стол: у него четыре ножки и пятая – доска, а стол один; в окошке четыре стекла, а окно одно; только это всё не к делу.

– Отчего же не к делу? – закричал Иван Федотович.

– Потому что, то – вещи, а то – живые существа. Вот найди мне, чтоб две курицы составили одну птицу, или три льва – одного зверя, или три человека – одного. Это ты мне никогда не покажешь: всё будет три человека, а не один, и богов у вас три, а не один.

– А если покажу? – тихо спросил старик.

– Если покажешь, – воскликнул мулла, – то я обещаю быть христианином и крещусь! Только ты никогда мне этого не покажешь, – прибавил он торопливо и ещё громче, потому что услышал сердитый кашель за занавесками.

– Никогда ты мне этого не покажешь, и христианином я не буду, а скорее тебя обращаю в ислам, – снова заговорил он громко, – пойдём продолжать нашу беседу на улицу, – сперва ты говори, а потом я, а здесь пусть убирают со стола.

Федотович взялся за шапку и шепнул мулле:

– Однако у тебя сердитые жены, уйдём от них поскорее.

Усевшись по-прежнему на брёвнах, мулла засмеялся и сказал:

– Вот не могу научиться вашему терпению к жене. Всякое непослушание или вмешательство в мой разговор со стороны жён меня так сердит, что не будь вас, я бы поучил их. Ваш Павел говорит, что муж и жена одно тело, а я так себя чувствую, что как будто я – свет, а они – темнота, я – тепло, а они – холод; где я, там нет им места, а как они забирают место, так меня теснят. Ну, как это может быть, чтобы два или три существа стали одно? Отец, и Сын и Св. Дух – один, два, три: три бога, а не один.

– Ты хорошо начал беседу, – сказал старик, – и вот теперь будем говорить дальше.

– Ну, говори, буду слушать.

– Нет, – отвечал старик, – говори ты сам, а я буду тебя спрашивать, чтобы не моя, а твоя душа сказала истину. Скажи мне прежде: всегда ли ты одинаково чувствуешь свою борьбу с жёнами за преобладание в доме; это скажи прежде, а потом скажи: со всеми ли людьми ты такую борьбу чувствуешь, как будто вы друг друга вытесняете с места, или с некоторыми хуже чувствуешь, а с некоторыми лучше?

Мулла немного помолчал, а потом ответил:

– Конечно, чувства мои к жёнам бывают разные; когда рассердишься, то, кажется, на целом свете нам тесно втроем; когда бываешь спокоен, то они мне не мешают, ну, а ведь, особенной нужды в них я тоже не чувствую – мне 65 лет, да им под 60 лет, нам не до нежностей: прошло наше время.

– Пусть будет так, – сказал странник. – Теперь скажи мне, не чувствуешь ли ты иногда

нужду в том, чтобы жёны были близко от тебя, не для удовольствий, а для сердечной беседы, особенно, когда на долгое время уйдёшь от них?

– Ну, конечно, иногда и соскучусь по своим старухам, – отвечал Ибрагим, – только мы ведь хотели говорить о Боге, а не о жёнах.

– Дойдём и до Бога, – был ответ странника, и лицо его озарилось кроткой улыбкой, – скажи мне ещё, мулла, кого ты любишь, кроме жён? Есть у тебя дети?

– Есть, милый сын мой, добрый шакирд в Казани и красавец какой! Ах, как мне скучно бывает, если долго не вижу его; теперь ожидаю его к себе со дня на день. Он такой ласковый мальчик и, хотя гораздо учёнее меня, но всё не хочет обидеть старика своим превосходством и спрашивает моих объяснений, а того не понимает, глупый мальчик, что я сам вижу, насколько он умней меня, и радуюсь этому, а ещё больше радуюсь, что вижу его смирение и желание уступить мне. Была у меня ещё дочка, да умерла бедная.

– Скажи теперь, добрый мулла, – продолжал старик свои вопросы, – для сына и для тебя везде довольно места, и вы не мешаєте друг другу, как мешают тебе жёны?

Лицо муллы озарилось блаженной улыбкой и, когда он начинал говорить о своём любимце, то так увлекался, что забывал главную цель беседы со странником.

– Что ты говоришь мне! – воскликнул он. – Да если бы мы были среди моря на маленьком камне, то нам было бы не тесно: мы бы и там уступали место друг другу и каждый из нас готов был бы броситься в воду, чтобы спастись другой.

– Видишь, мулла, – сказал странник, – не всегда и не все люди мешают друг другу. Не расскажешь ли ты нам, бывают ли такие минуты, когда и с жёнами ты так же дружен бываешь, как с сыном?

Мулла продолжал говорить уже как бы не для странника, а самому себе, отдаваясь голосу своего сердца.

– О, да, только это бывает во время общей грусти, когда мы вспоминаем о нашей бедной Фатиме. Это была такая добрая, кроткая душа, что обе жены мои любили её одинаково; так любили её, что и Соломон Царь не мог бы

отгадать, кто из двух жён была её матерью. Добрая душа умершей дочери только о том и старалась, чтобы в доме был мир, и когда мы ладили, она прыгала от радости, точно ей сто рублей подарили.

– Ещё будь добр, скажи мне, когда ты сам бываешь ближе к истине: тогда ли, когда ссоришься с жёнами за преобладание в доме, или вспоминаешь с ними о дочери?

– Ну, что и спрашивать об этом, – засмеялся Ибрагим, – в ссорах нет ничего хорошего, а одна только глупость; когда мы говорим с жёнами о Фатиме и поплачем с ними, то я вижу, что и я не злой человек, и они добрые бабы, а потом, смотришь, опять шайтан пройдёт и спутает нам головы, и мы мучаем друг друга бранью, точно забываем, что это глупо и жестоко. А когда снова вспомним Фатиму, то я по лицам старух читаю их мысли; да и сам думаю о том же, думаю: «Вот кабы всегда на душе у нас так было, то и за деньги не стали бы браниться и ссориться: мир и любовь дороже золота».

Да, наша добрая Фатима, Бог лишил нас твоего присутствия, но мы, когда говорим о тебе, то у нас трёх бывает как бы одна душа, потому что всё злое уходит от нас, а остаётся только доброе; мы даже чувствуем все трое, о чём каждый из нас думает; нам даже иногда кажется, что и Фатима сидит среди нас и улыбається нашему единодушию.

Странник взял муллу за руки и сказал:

– Мулла, ты больше не скажешь, что невозможно двум или трём существам стать одним! Не твои ли были сейчас слова, что одна душа и одни мысли бывают у вас всех трёх?

Мулла встрепенулся:

– Ты поймал меня на словах, хитрый старик! – воскликнул он, но без гнева, а, напротив, с радостью. Потом он опустил голову и заговорил медленно. – Да, я узнал что-то новое и от тебя, и от самого себя; ты умный и хороший человек. Скажи только мне сам потолковее, что следует из моих признаний.

– Изволь, – кротко и радостно заговорил странник. – Из твоих признаний выходит, что люди потому только не могут верить в то, что три Лица Святой Троицы составляют одно Божественное существо, потому только, говорю, что они, враждуя друг с другом, думают, будто всякий человек или вообще всякое

живое существо противно другому и мешает ему, так что не может один и другой быть одним существом. Выходит дальше, что это враждебное чувство противоположности, эта борьба людей слабеет, когда они не поддаются шайтану, который ссорит людей и мутит их разум. Тогда они чувствуют любовь друг к другу и радуются взаимной близости своей так, что им не тесно, а радостно бывает вместе, а когда хотя бы один такой любящий человек освободится от тела, и только чистый дух его останется в памяти и в сердце людей, то вместе с грустью о видимой разлуке с ним близкие люди чувствуют, однако, и близость к себе умершего, и взаимную друг с другом привязанность так сильно, как будто бы у них одна душа. А я тебе прибавлю вот что: Отец никогда не ссорится с Сыном и Св. Духом, и никогда не разномыслят, и шайтан не может путать Их ум, и они никогда не разлучаются друг с другом. Теперь скажи: если даже для нас, грешных людей, бывают такие минуты просветления, когда всякая рознь исчезает между нами, то не больше ли ещё сознают всегда Своё единство Отец, и Сын, и Святой Дух? И если ты и родные твои в самые разумные часы твоей жизни чувствуете единство души, то зачем называешь ложным наше учение, что Отец, и Сын, и Дух Святой один Бог, а не три бога?

Слушая эти новые для себя слова, мулла широко открыл глаза и даже рот от изумления; долго не мог он ничего говорить и тёр свой лоб рукой.

– Постой, ещё одно слово, – заговорил он наконец, – ведь по-твоему выходит, что не только Бог может быть один и в то же время троичен, но, и мы, люди, можем быть такими, а ведь всё-таки мы все не одно. Пусть мне иногда кажется, что душа моя сливается с другими, кого я люблю, но, ведь, я не всех люблю, да и те, кого я люблю, всё-таки остаются отдельными существами.

– Друг мой! – сказал в ответ старик, всё смягчая свой голос. – Ведь ты сам сказал, что твоё единство с другими ты чувствуешь не тогда, когда заблуждаешься, а, напротив, когда бываешь настоящим разумным человеком. Если это с тобой бывает не часто, а с другими почти никогда, то разве этим мы измеряем истину? Ведь все люди постоянно грешат, а всё-таки мы

оба с тобой скажем, что грешить неразумно, что справедлива только добродетель, хотя и редко встретишь её на земле.

– Хорошие слова ты говоришь, – задумчиво прервал его речь Ибрагим, – но трудно поверить мне, чтобы душа моя могла сродниться со всеми людьми, даже с врагами.

Тут в разговор вмешался псаломщик:

– А разве тебе не понравилось учение Иисуса Христа, что ближний наш есть не только всякий наш родственник, или друг, но и всякий вообще человек?

– О, конечно, понравилось, особенно полюбилась мне притча Иисуса о Милосердном Самарянине: увидел самарянин врага своего еврея, брошенного разбойниками чуть живым, мимо которого проходили свои люди и брезговали, чтобы остановиться и помочь ему; увидел это самарянин, слез с осла своего и обмыл раны больного, положил его на осла и привёз в город в гостиницу, а сам шёл пешком. Да этот самарянин был родной для всех. И я согласился признать, что чем лучше и умнее человек, тем больше он людей считает себе друзьями, а самый лучший тот, кто всех любит и никого не считает врагом.

– И ещё более родным для всех может быть человек, – продолжал речь странник, – если он отдаёт себя на служение Христу, тогда у него своих собственных интересов вовсе нет, и ничем его нельзя рассердить и вступить в борьбу за себя с другими. Тогда его душа связана с душами ближних, и он чувствует их скорби и их грехи, как бы свои собственные. Помнишь, как восклицал Павел Апостол в послании к Галатам: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал. 4:19) и в другом месте он радуется доблестям христиан, как бы своим собственным: «Итак, братия мои возлюбленные и вожделенные, радость и венец мой, стойте так в Господе, возлюбленные» (Флп. 4:1); а вот его чувства к слушателям его проповеди: «Уста наша отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено. Вам не тесно в нас» (2Кор. 6:11–12). Такие чувства у святого Апостола к чужим для него людям, а может ли иметь лучшее чувство даже мать к своему ребёнку?

– Но ведь это одни чувства, – возразил Ибрагим. – Впрочем, опять скажу: Павел

великий, святой человек; наши бранят его, потому что не знают. Но ведь Павел и все добрые и злые люди всё-таки отдельно жили, каждый в своём теле, как и мы живём теперь отдельно.

– Да, – отвечал странник, – по-видимому, пока отдельно, потому что мы ограничены телом, но от тела освобождаются люди после смерти, а по воскресении они приобретают такие тела, как Христос воскресший: для этих тел нет препятствий, и в пространстве, потому что они быстро переносятся с места на место, ни в какой иной преграде, потому что они проходят и через стену и через воздух, как сказано в Евангелии.

– Итак, по-твоему, выходит, – заговорил снова мулла, – что, когда люди освободятся от тела и от всякого греха, то они будут одним человеком, оставаясь всё-таки отдельными личностями? Вот найди мне такое изречение в Священном Писании, тогда я поверю, что и учение о Троице ты правильно мне изъяснил.

– На это уже я сумею ответить, – воскликнул радостно псаломщик, тоже с удивлением слушавший странника. – Апостол Павел повествует, как обращавшиеся ко Христу, дотоле враждебные между собой, греки и иудеи, стали все вместе одним человеком. Вот что говорит он о Спасителе: «Он – есть мир наш, соделавший из обоих одно»... и далее: «дабы из двух создать в Себе самом одного нового человека, устрояя мир» (Еф. 2:14–15). То-то я прежде всё читал у отцов церкви и не понимал: они постоянно говорят, что естество человеков одно, как и естество Св. Троицы, а только единство наше ослаблено грехами людей и восстанавливается искуплением Иисуса Христа... Да, да, – прибавил Федотович, как бы вспомнив что-то, – св. Григорий Нисский даже так говорит: «Ты спрашиваешь меня, как может быть Отец, и Сын, и Святой Дух не тремя богами, а одним Богом, если люди, например, Пётр, Павел и Иоанн, всё-таки составляют не одного человека, а трёх человек. На это отвечаю, – продолжает св. Григорий, что это выражение – “трёх человек” – неправильное, человечество одно, а различны только личности. Так в человечестве, которое ограничено, тесно и греховно, а в Божестве, где все Лица святы, бестелесны и неограничены, нет никакого

разделения, «но один воистину Бог наш».

– Да, приблизительно так, – прибавил странник. – Ты приводишь по памяти слова Св. Григория из послания его к Авлалию.

Лицо муллы горело и радостью, и борьбой; он сказал, задыхаясь от волнения:

– Я не знаю Св. Григория – приведи мне такие слова Иисуса, из которых я бы увидел, что любовь и разум среди людей должны восторжествовать с такой силой, что они будут одно в своём множестве; тогда я уверю во Св. Троицу и буду христианином.

Говоря так, Ибрагим вскочил на ноги и воскликнул:

– О, тогда я пойму, почему христиане так дорожат своей Троицей! Я пойму, что верить в единство Отца и Сына нужно для того, чтобы не поддаваться нашему общему разделению на земле, а ожидать лучшей жизни, потому что, уже если в Боге истинном существует множественность в единстве, то нам ли сомневаться в том, что и наше разделение может кончиться, и мы подобно триединому Богу, будем едино, как Он! Найди мне такие слова в Евангелии или в Новом Завете, – воскликнул он снова, и я буду дорожить учением о вашей Троице больше всех прочих слов Иисуса.

– Вот эти слова, – торжественно сказал Иван Федотович, раскрывая Новый Завет, возвращённый ему сегодня муллой. – Слушай, какой молитвой заключил Иисус Христос Свои прощальные наставления ученикам: «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино: как Ты, отче во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино; да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин. 17:20–21).

Федотович начал важным и торжественным голосом, но при словах «да уверует мир» голос у него оборвался от умилённых слёз и он, плача, продолжал читать: «Да будут едино, как Мы едино. Я в них и Ты во Мне, да будут совершены воедино и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня» (Ин. 17:21–24).

Федотович вдруг бросился на шею Ибрагиму:

– Брат! – воскликнул он. – Не отвергай твоего Спасителя! Ты дал уже слово быть Его учеником, если услышишь эти слова.

Глаза Ибрагима были орошены слезами:

– Но мой сын, мои жёны! – воскликнул он, закрывая лицо руками.

Вдруг он почувствовал, что кто-то нежно прикасается к его рукам, покрывая их поцелуями.

– Твой сын давно в душе христианин, – услышал он, – и молится, чтобы ты позволил ему креститься и вместе бы крестился с ним.

Не веря своим ушам, мулла отдёрнул руки от лица и увидел сына, стоявшего перед ним на коленях. Он привлёк его в свои объятия и целовал юношу в лоб и в глаза; потом возвёл очи свои к небу и сказал:

– О, милосердый Иисус Христос, Спаситель наш! Теперь, хотя бы и смертью нам грозили! Пусть мои бедные жёны оставят меня, но я не отступлю от Господа Иисуса Христа.

– Господин наш, – сказали обе жены его, – мы слушали всю беседу твою с этими добрыми людьми и хотя не всё поняли, что слышали, но видели, что они тебе сказали слово Божие. Твоя вера будет и наша вера; в христианском законе

не бывает двух жён, но мы будем тебе сёстрами и слугами, только не оставляй нас – ты и сын твой.

Мулла плакал от радости и в первый раз в жизни совершил на себе крестное знамение.

– Будь нашим крёстным отцом, – говорил он Ивану Федотовичу, пожимая его руку, – а тебе, святой человек, – обратился он к страннику, – позволь поклониться до земли по христианскому обычаю.

К удивлению муллы, странника уже не было среди них; сначала мулла подумал, что старик на время отошёл от них и попросил псаломщика привести его вечером, но вечером пришёл Иван Федотович с вестью, что не мог найти странника. Так и не узнали, что это был за человек.

Источник: Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого в 17 томах. Издание Северо-Американской и Канадской епархий, 1961–1969. Т. 17.

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ)

*Митрополит Киевский и Галицкий,
основатель и первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей*

В миру Храповицкий Алексей Павлович, родился 17 марта 1863 г. в семье старого новгородского дворянина-помещика, общественного деятеля, бывшего генерала и героя войны 1877–1878 гг.

Воспитанный матерью в церковно-аскетическом духе, он после окончания гимназии с золотой медалью поступает в Санкт-Петербургскую духовную академию, что было невероятной редкостью для дворянина.

В ранней молодости находился под большим влиянием Достоевского, часто посещал его, много с ним беседовал, утверждаясь в христианстве, православии и монашестве.

В конце 4-го курса Академии Алексей принял монашество с именем Антония и в 1885 году был рукоположен во иеромонаха. Жизнь он вёл скромную и строгую, выполнял обеты монашества.

Митрополит Антоний в 1935 году
в Сремских Карловцах

В 1885 году по окончании Академии Антоний был оставлен в ней в качестве профессорского стипендиата и в то же время, исполняя должность помощника инспектора Академии с 1885 по 1886 год. В 1886 году назначен преподавателем Гомилетики, Литургии и Каноники в Холмскую духовную семинарию.

В 1887 году был избран исполняющим должность доцента Петербургской духовной академии по кафедре Св. Писания Ветхого Завета. В «Церк. Вестнике» за 1891 год упоминается как преподаватель по кафедре «Введение в круг богословских наук» той же Академии до 1890 года.

В 1888 году получил степень магистра богословия после защиты диссертации на тему: «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности». В том же году утверждён в звании доцента Академии.

В 1889 году назначен исполняющим должность инспектора Петербургской Духовной Академии.

В 1890 году (в 27 лет) получил назначение на должность ректора Петербургской духовной семинарии, с возведением в сан архимандрита, а через несколько месяцев перемещён на должность ректора в Московскую духовную академию.

При нём был основан академический журнал «Богословский Вестник». По воспоминаниям прот. Сергия Четверикова, учившегося в МДА в то время, «владыка Антоний был сердцем нашего академического мира... Двери его покоев во всякое время были открыты для студентов. Сам он часто приходил на нашу вечернюю молитву в академическую церковь и после молитвы о чём-нибудь беседовал. Он умел подойти к каждому из нас, и из наших отношений с ним был устранён дух формализма и официальности. Мы жили согретые его любовью и лаской. И вместе с тем эти отношения были чужды всякой фамильярности. Мы чувствовали его неизмеримое превосходство... Он впервые, может быть, многим из нас раскрывал смысл православного пастырства как любовного и самоотверженного притяжения в свою душу своей паствы, переживания вместе с нею всех горестей и радостей, всех испытаний, искушений и падений своих духовных чад и возрождения и восстания силою сострадательной любви и молитвы».

В 1895 году назначен ректором Казанской духовной академии. Этот перевод произошёл по причине разногласий с митрополитом Московским Сергием (Ляпидевским), настаивавшим, что не следует постригать в монахи до 30 лет.

7 сентября 1897 года был хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. Хиротонию совершали в Казани: архиепископ Рижский и Митавский Арсений (Брянцев), как представитель Святейшего Синода, епископ Нижегородский и Арзамасский Владимир (Никольский), епископ Самарский Гурий (Буртасовский), епископ Сарапульский Никодим (Боков) и епископ Балахнинский Аркадий (Карпинский).

1 марта 1899 года назначен епископом Чистопольским, первым викарием Казанской епархии, с оставлением в должности ректора.

Преосвященный Антоний пользовался глубокой любовью молодёжи и окружающих его, а скромность его и простота всё увеличивали толпу его приверженцев. Его чарующее обаяние «пленяло в послушание ему сердце каждого человека с первого знакомства, с первой встречи». Не знавшие его близко, изумлялись непреодолимой силе нравственного влияния его на сердца и волю студенчества, говорили, что он обладает силой «внушения».

На людей действовал он не строгостью и законностью, а добрым, кротким словом. Преосв. Антоний давно приобрёл себе широкую известность, как весьма усердный и ревностный распространитель духовного просвещения и богословской науки в народных массах. В Петербургской Академии он был душой кружка студентов – проповедников, разносивших плоды академической науки по церквам во внебогослужебных чтениях, общественным и частным залам, заводам, тюрьмам, ночлежным домам; такие же кружки он основал в академиях Московской и Казанской.

Противник всяких административных и учебных строгостей и ограничений, Преосв. Антоний всегда стремился к достижению выполнения учащимися правил, уставов и программ свободной волей. Провидению было угодно провести его почти по всем академиям, и всюду он оставил после себя заметный след. Как начальник, педагог, учёный и воспитатель, епископ Антоний был примером для

**Архиепископ Антоний в 1917 году.
Художник Михаил Нестеров.
Государственная Третьяковская галерея**

учащейся молодёжи. Благоговей пред высотой монашеского служения, епископ Антоний своим настроением пленял академическую молодёжь и являлся одним из идейных родоначальников монашества и наставником многочисленной новой школы учёного монашества. А родоначальником учёного монашества считают Антония (Вадковского).

Епископ Антоний (Храповицкий) первый стал оправдывать образ жизни учёно-административного монашества, не самоизолирующегося в монастырском затворе. Около епископа Антония группировалась монашеская интеллигенция, под его влиянием многие приняли монашество.

За период ректорства в духовных академиях епископ Антоний постриг более 60-ти студентов, из которых впоследствии большинство стали архиереями. Уже в позднейшие годы в своих поучениях он много и убедительно говорил о том, какие тяжёлые жизненные последствия постигают тех, которые предполагая вступить на путь монашества, как бы услышав зов Божий, по каким-либо житейским соображениям уклонились от этого пути.

14 июля 1900 года переведён на самостоятельную Уфимскую и Мензелинскую кафедру. По предложению и.д. ректора, инспектора Казанской академии от 17 августа 1900 г., Преосв. Антония, епископа Уфимского и Мензелинского постановили: избрать в почётные члены Казанской Духовной Академии

ввиду высокопреосвященной и плодотворной деятельности, ввиду его солидных литературных и научно-богословских трудов, ввиду выдающегося церковно-ораторского таланта и неутомимого проповедования слова Божия и, наконец, ввиду его щедрой благотворительности и материального вспоможения нуждающимся студентам Академии.

27 апреля 1902 года назначен епископом Волынским и Житомирским, священноархимандритом Почаевской Успенской Лавры. В 1906 году возведён в сан архиепископа.

В 1908 году управляя Волынской епархией, он первый из русских иерархов откликнулся на суждения по вопросу о восстановлении патриаршества в России, издав брошюру соответствующего содержания, как приложение к журналу «Русский Инок». Антоний с юных лет был большим приверженцем патриаршества. На учебнике русской истории Иловайского его рукой нанесены заметки, восхваляющие патриарха Никона и порицающие царя Алексея.

В 1911 году был награждён бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. В 1912 году был назначен членом Святейшего Синода с оставлением его на занимаемой кафедре. 14 мая 1914 года был назначен архиепископом Харьковским и Ахтырским. 1 мая 1917 года был уволен на покой, согласно прошению, с назначением ему местожительства в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре Финляндской епархии. 16 августа 1917 года вновь назначен архиепископом Харьковским и Ахтырским.

Осенью 1917 года на Всероссийском Поместном Соборе был один из трёх кандидатов в патриархи, вместе с владыками святителем Тихоном Московским и Арсением Новгородским. В то время народная молва оценила его как «самого умного» из архиереев Русской Церкви – в отличие от «самого строгого» Арсения и «самого доброго» Тихона.

Блестяще образованный и талантливый церковный писатель, видный церковный деятель двух последних десятилетий синодальной эпохи, давний поборник патриаршества, владыка Антоний пользовался самой широкой поддержкой соборян из трёх кандидатов, как бесстрашный и опытный церковный вождь. При голосовании он набрал наибольшее число голосов, но Господь отвёл от него этот жребий.

28 ноября 1917 года был возведён в сан митрополита. 19 мая 1918 года был председателем Киевского епархиального собрания и на нём был избран митрополитом Киевским и Галицким. Титул Митрополита Киевского и Галицкого сохранил и во всё время пребывания за рубежом.

В конце 1919 года эмигрировал в Югославию, где организовал Карловацкий собор (21 ноября – 2 декабря 1921 г.). Стал основателем и первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей. В последние годы своей жизни митрополит Антоний ослеп.

Скончался 10 августа 1936 г. и погребён в Белграде в склепе храма Иверского. Над склепом возвышается мраморное надгробие.

В 1900 году в Казани было издано полное собрание сочинений митр. Антония в трёх томах. Эти три тома позволяют составить о нём, как о писателе довольно цельное представление. Его скромная по объёму философская диссертация тонет в них незаметной и нехарактерной частицей. Факт свободы воли здесь доказывается из «данности» его в нашем сознании и самосознании.

Следующей учёной работой митр. Антония, выросшей из его профессорских занятий, является «Толкование на книгу св. пророка Михея» (СПб, 1891), оно же вошло в собрание его сочинений. Отдав дань науке, Антоний в остальных своих трудах выступает в типичном облике публициста. Его язык отличается живостью и лёгкостью, не чуждой местами резкой развязности. Отзывчивый темперамент, хорошее литературное образование, подвижной ум и проницательность при встречах с людьми дали ему большую власть над духовным студенчеством. Юноши подолгу просиживали у своего неслыханно гостеприимного и ласкового ректора. «Это университет», восклицает один из них; «это – древне-греческая академия: здесь среди болтовни и шуток сеются идеи, каждая из которых достойна вырасти в диссертацию». Нередко так и бывало, но гораздо более оттуда вышло юных монахов особого оттенка.

Богословские воззрения Антония не лишены индивидуальности и даже новаторства, вызывающие его в некоторых пунктах даже на прямую полемику с неподвижными ортодоксами.

Он подчеркнул общественную миссию

Церкви, и применительно к этой задаче, развил целую систему пастырского душепопечения, приближенного к интересам жизни и к интеллектуальному уровню общества.

Прямота митрополита, граничащая с резкостью на многих, особенно на инакомыслящих, производила впечатление отрицательное. Один из товарищей его брата в молодости его спросил его: «Неужели Вы, умный, образованный человек верите, что Христос вознёсся на небо, и что просфора и вино превращаются в Его Плоть и Кровь?» – «Я не могу сомневаться, – отвечал Антоний, – если бы я усумнился, то мне не оставалось бы ничего другого, как броситься с Литейного моста вниз головой».

Всем было известно его остроумие несколько грубоватого характера. Рассказывали, что он, кажется, ещё будучи студентом, за торжественным обедом, на шуточный вопрос родственника Храповицких генерал-майора Крепке – почему «митрополит», а не «митро-стреляй», ответил: «А почему, Ваше Превосходительство, «ду-рак»... Здесь сделал длительную паузу и спокойно, смотря в глаза ошарашенного генерала, пониженным голосом закончил..., а не «ду-рыба»...

Когда обер-прокурор предлагал Синоду возвести в сан епископа малограмотного монаха Варнаву, кто-то из членов Синода стал возражать. Тогда дано было понять, что этого желает императрица и Распутин. Митр. Антоний сказал (очевидно, саркастически): «Ну, что же! Мы готовы и чёрного борова сделать епископом, раз они этого желают».

За свои учёные богословские труды, которые первоначально были изданы в Казани, а затем переизданы книгоиздателем И.Л. Тузовым, митр. Антоний получил степень доктора богословия.

Свои сочинения он помещал, главным образом, в академических изданиях: «Церк. Вестн.» (С.-Петербург. Акад.), «Богосл. Вестн.» (Моск. Акад.), «Прав. Собес.» (Казан. Акад.), «Уфим. Епарх. Вед.», «Церк. Вед.», «Мис. Обзор.», «Волог. Епарх. Вед.», «Волын. Епарх. Вед.», Газета «Колокол» (В. Скворцов) и др.

В вышеуказанных журналах архим. Антоний помещал много проповедей и статей, которые не вошли в наш список его трудов.

Почему Церковь отказалась венчать еретиков

Во время венчания придётся исповедать веру.

Как можно в XXI веке всерьёз говорить о каких-то «еретиках» и почему Церковь делит людей на верных и неверных, отказывая в услуге венчания, разве это не дискриминация?

Мне дают понять, что я здесь – чужой

Сообщения в СМИ, что Архиерейский Собор «запретил браки с еретиками», вызвали в социальных сетях немалое раздражение. Насколько можно понять из комментариев, одна из причин раздражения и сарказма людей – вера в то, что Церковь что-то может запретить людям внешним; это предположение, видимо, основано на беглом чтении заголовков, которые говорят «Церковь запретила».

«У нас светское государство, – возмущаются некоторые, – как Церковь может нам что-либо запрещать!» Что же, это ложная тревога. Вам, как людям внешним, Церковь ничего запрещать не может – и не собирается, это было бы бессмысленно. Речь идёт о внутренних правилах религиозной общины, к которой вы не принадлежите.

Возможно, одна из проблем состоит в том, что венчание воспринимается как обрядовая услуга, а отказ в ней – как оскорбительная и несправедливая дискриминация. Мне дают понять, что я здесь – чужой. Что есть люди, которые здесь свои, которых с радостью обвенчают – а я в их число не вхожу, и мне ставят условия, на которых я мог бы войти. Что Церковь делит людей на «верных» и «внешних», «православных» и «еретиков».

Но право определять своих есть у любой организации

И тут мне хотелось бы отметить несколько вещей, начиная с чисто мирских – и восходя к религиозным. С чисто мирских позиций свобода – моя или ваша – означает, что меня или вас невозможно принуждать ассоциироваться с кем-либо против нашей воли. Вы имеете право, например, не звать меня на свой день рождения.

Вообще, если вы устраиваете вечеринку, поход в горы, масонский заговор, религиозное

поклонение или какую-то ещё совместную деятельность, это ваше дело – позовёте вы меня или нет. Меня может глубоко огорчить, что вы меня не позвали. Я могу с негодованием заявить, что, не позвав меня на вечеринку, вы подвергли меня дискриминации, маргинализации, совершили акт нетерпимости и микроагрессии и ещё какие-то страшные злодеяния.

Но моё глубокое огорчение и возмущение не налагает на вас никакого обязательства приглашать меня на вечеринку. Это ваша вечеринка, или ваш заговор, или ваш поход. Это ваши личные границы, вы можете объединить их по общему согласию с границами других людей и решить, что Васю, Петю, Колю, Олю и Мишу вы позовёте, а Лёшу нет – ну вот не нравится он вам.

Вы также вправе поставить условия: мы принимаем тех, кто не напивается как в прошлый раз, или одевается в специально оговоренный костюм, или исповедует определённый набор представлений о мироздании. Опять-таки, это ваше дело вместе с теми, кто пожелает с вами добровольно объединиться.

Если бы вас обязывали приглашать на день рождения, или в горный поход, или в бизнес-предприятие, или в ролевую игру, или в другие совместные дела всех, кто пожелает, это жесточайшим образом стеснило бы вашу свободу.

Это сделало бы невозможной и любую свободу ассоциаций. Пьяницы бы потребовали, чтобы их, продолжающих пить, приняли в общество трезвости, мясоеды с сардельками наперевес потребовали бы определять повестку дня для общества вегетарианцев, суровые религиозные фанатики скопом бы записались в общество атеистов, парализовав его работу, любая политическая партия могла бы быть уничтожена просто тем, что в неё записалась бы толпа её политических противников.

Поэтому общество вегетарианцев имеет

право не принимать в свои ряды мясоедов, по крайней мере, до тех пор, пока они, покаяние изъяснив глубочайшее, не перейдут на бобы. Общество трезвости может ставить жёстким условием принадлежности к нему отказ от алкоголя. И да, вероисповедные сообщества вправе устанавливать правила, которых должны придерживаться их члены и самим определять, кого они считают своими, а кого нет. Это право любой добровольной ассоциации.

Атеисты могут отказаться вручить мне почётное звание «атеиста года», поскольку я не атеист. А Церковь может отказаться совершать над вами её Таинства, потому что вы не православный. Требовать от Церкви, чтобы её внутренние правила определялись требованиями внешними, значит требовать от неё самоуничтожиться.

И если человек решил остаться снаружи, он остался снаружи

Теперь обратим внимание на ситуацию глазами Церкви. В центре христианской веры стоит Бог, заключающий Завет. Слово «Завет» часто передают как «договор», но это не совсем точно примерно, как брак назвать договором. С одной стороны, конечно, договор, с другой – это тёплые, личные отношения взаимной посвящённости и преданности.

Как и брак (а Библия использует и другие сравнения: гражданство, воинская служба, усыновление) – это отношения, в которых вы либо состоите, либо нет. Бог хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины, и абсолютно любой человек может войти в этот Завет через Крещение и пребывать в нём через Евхаристию, хранение заповедей и молитвенное участие в жизни Церкви.

Но вы не можете быть одновременно в Завете и вне его. Это как невозможно одновременно наслаждаться холостяцкой свободой и семейным уютом. У этого Завета, как у брака, гражданства или воинской службы есть определённые условия.

Человек, очевидно, не может состоять в Завете со Христом, если не признаёт Его тем, кто Он есть – Богом и Спасителем, или отказывается признавать Его повеления. Церковь есть сообщество добровольное –

человек сам решает, присоединиться к нему или нет. Но если он решил остаться снаружи, он остался снаружи. И для Церкви, пока он не вошёл, он внешний.

В этом случае Церковь не может и не должна преподавать ему Таинства. Да и как бы она могла, ведь они знаменуют завет со Христом, в который он пока отказывается вступить. Да и ему какой смысл требовать для себя знаков Завета, в который он не хочет вступить?

Но как можно в XXI веке говорить о каких-то «еретиках»

Многих пугает термин «еретик». В самом деле, как можно в XXI веке говорить о каких-то «еретиках»? Тут проблема, скорее, терминологическая – для современного читателя, воспитанного отчасти на ещё советской пропаганде, отчасти на Голливуде (тот ещё идейный коктейль, стоит заметить), «еретик» – это какой-то не очень понятный, но в целом симпатичный мальчик, которого злые церковники сжигают на костре. То ли за то, что он считает землю круглой, то ли за ещё какие-то смелые прорывы.

В церковной терминологии «еретик» – это лжеучитель, который не просто имеет какие-то ошибочные мнения, а глубоко искажает Апостольское возвешение. Сам термин (именно в этом значении) появляется уже в Библии. *«Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель» (2 Пет. 2:1), «Еретика, после первого и второго вразумления, отворачайся» (Тит. 3:10).* Должны ли христиане отказаться от использования библейского термина из-за того, что КПСС с Голливудом придали ему другое значение?

Думаю, что нет – просто стоит объяснить первоначальный смысл слова. Ну, в самом деле, Церковь верит, что Господь наш Иисус Христос есть совершенный Бог и совершенный человек. Некоторые религиозные группы, претендуя на звание христиан и наследие апостолов, не считают Иисуса ни Богом, ни человеком (как «свидетели Иеговы»), или считают человеком, но не Богом – как либеральные богословы. Нам нужен какой-то термин, который позволил бы

Церкви обозначить её собственные границы – и обозначить тех, кто в эти границы не входит. И этот термин уже есть в Библии – «еретик».

А вы готовы во время венчания всерьёз исповедать веру?

Совершить венчание с еретиком просто невозможно, потому что венчание – это религиозный обряд, который сопровождается призыванием имени Пресвятой Троицы и Господа нашего Иисуса Христа как истинного Бога и истинного человека. Ожидать от человека, который ни веры в Троицу, ни в Божество Христа не разделяет, чтобы он принимал в нём участие – значит склонять его (и всех участников таинства) ко лжи и притворству. Да и зачем бы человеку, не разделяющему веры Церкви, искать в этой Церкви благословения на свой брак?

Кого-то пугает нетерпимость, которую он слышит за словом «еретик». Увы, нетерпимость существует совершенно независимо от этого термина; самые страшные проявления идеологической нетерпимости в истории (а в XX веке мы видели их предостаточно) не имели никакого отношения к догматике, ни даже к религии вообще. И, как показывает практика,

способность человека проявлять терпимость, то есть без крайнего раздражения переносить мнение, отличающееся от его собственного, вообще никак не зависит от его взглядов на догматы.

Люди, которые говорят о том, что догматы не важны, а важна только доброта, могут очень быстро переходить к оскорблениям и фантастическим обвинениям по адресу любого, кто посмеет не согласиться с этой человеколюбивой позицией. Впрочем, иные ревнители строгой ортодоксии тоже. Это, видимо, больше связано с личными особенностями, чем с мировоззренческой позицией.

Но главное, что стоит заметить: христианская вера – это не ролевая игра. Те слова, которые люди произносят в Церкви, они произносят всерьёз.

И если вы не готовы во время венчания всерьёз исповедать веру во Христа как в Бога и в Пресвятую Троицу, то едва ли стоит делать это притворно. А если готовы – то добро пожаловать в Церковь.

Сергей Худиев
www.pravmir.ru

Книжная новинка

Как часто к вам в гости заходят люди из прошлого, со своими подлинными историями и настоящими лицами, запечатлёнными на фотографиях 150-летней давности?

Две семьи – Кизи и Селегеновы – как в зеркале отразили судьбу всего русского народа за последние два века. Невероятная долгая жизнь крепостной крестьянки, в начале своего пути видевшей наполеоновское нашествие, а в конце – немецких солдат Первой Мировой. Ленинские Соловки глазами единственного выжившего при расстреле. Напряжение инженерной мысли в гонке индустриализации 30-х годов. Жёсткие реалии немецкой оккупации. Горечь и боль расставания с Родиной. Золото Олимпиады. И просто жизнь. С совестью, честью и беспокойством о людях, близких и далёких...

Книгу Натальи Жуковской «Кизи и Селегеновы» можно заказать в твёрдом или в мягком переплёте:

https://www.lulu.com/search?adult_audience_rating=00&page=1&page-Size=10&q=%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%8F+%D0%B6%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F

Плюшка

Больные дети Максимовне нравились больше, чем выздоравливающие. Честно говоря, она не любила ни тех, ни других, просто больные доставляли ей меньше хлопот.

Они не бегали по отделению, не кричали, не разбрасывали где попало игрушки и не выцарапывали на крашенных стенках свои имена и прочие глупости. Лежали тихо под капельницами или просто спали. Рядом, как правило, всегда был кто-то из родственников – мамы, бабушки, тётушки, так что было кому присмотреть и поухаживать. Всё облегчение для пожилой санитарки, у которой и так дел невпроворот.

На самом деле, Максимовна с удовольствием сидела бы на пенсии и попивала чай с пирожками, только пенсия была совсем маленькая, и на пирожки её не хватало. Вот и приходилось в шестьдесят с лишним лет махать шваброй, убирая за этой мелюзгой.

Максимовна знала, что все считают её неприятливой и побаиваются, но ей это нравилось – меньше будут приставать с просьбами. Она даже гордилась тем, что к ней стараются лишней раз не подходить, а если уж заговаривают, то обязательно робко, нерешительно, как с начальницей.

Правда, если кто-то из детей умирал – а это время от времени случалось, – в душе старой санитарки вдруг что-то начинало тяжело и болезненно ворочаться. Душа вспоминала, что у Максимовны тоже когда-то был сын Серёжа, которого в восемь лет насмерть сбил грузовик. После этого детей у неё больше не родилось, а по Серёже она так долго и горько плакала, недоумевая, почему умер именно он, а не какой-нибудь чужой мальчишка-сорванец, что выплакала все слезы на всю оставшуюся жизнь.

Выписавшиеся дети извлекали из тумбочек свои пожитки, подбирали разбросанные игрушки, выходили за дверь отделения и пропадали из жизни Максимовны. Через некоторое время пустая кровать заселялась ещё кем-нибудь, кто потом тоже выздоравливал и уходил... Словом, все шло своим чередом.

Когда выписывали пятилетнюю Катю, Максимовна как раз драила палату, где эта

девочка пролежала почти три недели. Санитарки обычно много чего слышат и знают, например, от медсестёр, которые переговариваются на посту, или от родственников больных. Про Катю Максимовна знала, что её выписывают не потому, что она уже здорова, а потому, что дальше её требовалось лечить в специализированной клинике и, может быть, даже оперировать, и ещё непонятно, поможет это или нет.

Самой Кати в палате уже не было, но когда санитарка перестилала освободившуюся постель для новых пациентов, в дверь неожиданно заглянула Катина мама, очень похожая на Катю – тоже светловолосая, темноглазая, с аккуратным веснушчатый носиком, – и несмело спросила:

– Простите... Вы здесь не находили собачку? Плюшевую, коричневую, совсем маленькую. С такими длинными висячими ушками...

А у Максимовны выдался очень хлопотный день. С вечера она легла поздно, потому что гладила рождественские облачения для церкви, в которую уже много лет ходила. Утром отнесла чистое и выглаженное в храм. Батюшка, отец Виталий, подивился её расторопности, поблагодарил и благословил, так что на работу Максимовна пришла в хорошем настроении. Но потом начались какие-то мелкие расстройства, заботы, сказалось и то, что она не выспалась... Словом, к обеду от утренней радости уже ничего не осталось, зато накопились усталость и раздражение.

– Не знаю никаких собак! – угрюмо буркнула Максимовна, недовольная тем, что её потревожили таким глупым вопросом.

И только когда женщина, огорчённо вздохнув, ушла, Максимовна припомнила, что действительно была у Кати такая любимая игрушка. Крошечный, как раз умещавшийся на маленькой ладошке щенок с весёлыми черными глазками.

Катя звала собачку Плюшкой, укладывала рядом с собой на подушку, а когда приходило время делать уколы или капельницы, сжимала пёсика в кулачке, чтобы он придал ей смелости.

Осмотревшись и подумав, Максимовна приподняла тумбочку. Так и есть! Катина любимица завалилась в самый уголок возле

стены, за широкой деревянной ножкой, поэтому её и не смогли найти.

Санитарка выглянула в коридор, но ни Кати, ни её мамы не увидела. Должно быть, они уже спускались по лестнице к выходу из клиники. И, как на грех, никого поблизости: все ушли в столовую обедать. Можно было, если поторопиться, догнать Катю или хотя бы окликнуть...

– Ну вот ещё! – проворчала себе под нос Максимовна. – Гоняйся за ними по лестнице! Я-то, поди, уже не девочка, седьмой десяток идёт. Сёстрам потом скажу, чтобы им домой позвонили. Если надо, пускай ещё приходят, тогда и отдам.

Она сунула игрушку в карман халата и пошла мыть пол возле поста. Там сейчас приходилось убирать больше: ещё перед Новым годом медсёстры поставили у окна наряженную ёлку, и дети вечно толклись вокруг неё, трогали игрушки, отчего на пол осыпалась хвоя и падали блестящие нити «дождика». Максимовна не могла дождаться, пока эту ёлку унесут, чтобы опять стало удобно мыть пол и вытирать пыль с подоконника.

Уже подойдя к своему дому, санитарка вспомнила, что, закрутившись с делами, не отдала медсестре Людмиле Катину собачку и даже не попросила позвонить девочке домой, что игрушка нашлась. Плюшка так и осталась лежать в кармане халата, который Максимовна сегодня забрала домой постирать.

«Ладно, что ж теперь! – подумала Максимовна. – После выходных скажу. И вообще, что я волнуюсь-то? У ребёнка, поди, сто таких собак дома. Если очень надо, пускай новую купят, не обеднеют. А у меня и без этого голова от забот пухнет!»

Размышляя так, она уже поднималась на второй этаж и шарила в сумке, ища ключ от квартиры. Лампочка на её этаже светила слабо. Максимовна протянула руку с ключом и шагнула к двери... Нога наткнулась на что-то мягкое и живое, вдруг издавшее жалобный, испуганный визг. Кто-то только что лежал или сидел на коврик перед дверью в квартиру. Максимовна осторожно нагнулась посмотреть, кто же это метнулся из-под её ног и прижался в угол.

Оказалось, что это совсем небольшой щенок. Он дрожал всем телом, но при этом глядел на санитарку без обиды, даже наоборот, с доверчивой надеждой.

– Нагадил, поди, на коврик-то? – неприязненно спросила Максимовна. К кошкам она относилась равнодушно, а вот собак недолюбливала, считая нечистоплотными. – Чего дрожишь? Я же тебя не бью.

Услышав, что строгий голос немного смягчился, щенок неистово завертел коротким хвостиком, и стоило Максимовне приоткрыть дверь, как он тут же шмыгнул в получившуюся щель!

– Куда?! – ахнула санитарка. – Ещё тебя мне не хватало! Кыш! Брысь! Пошёл, пошёл отсюда!

Щенок и не думал уходить, наоборот, уже вовсю бегал по комнатам, обнюхивая углы и ножки мебели – знакомился. Включив свет, Максимовна, наконец, хорошо его разглядела. Он оказался светло-шоколадным, короткошёрстым, с висящими мохнатыми ушками и задорными карими глазами. Даже чем-то симпатичный.

– Вот я тебя! – уже менее уверенно сказала санитарка, но всё-таки взялась за веник. Щенок понял, что на него сердятся, поджал хвост и ловко залез под диван.

Максимовна попыталась его оттуда выгнать – не тут-то было. Непрошенный гость уворачивался и скулил, как будто недоумевая, за что же его веником-то... Устав стоять на коленях перед диваном, санитарка рассердилась.

– погоди у меня, злодей! Всё равно выгоню. Пусть кто-нибудь другой тебя к себе берёт, а мне такого добра не надо. Столько ещё дел, а я трачу

время на такую пигалицу!

Это был вечер Сочельника, и Максимовна собиралась приготовить назавтра праздничный салат и куриный окорочок с грибным соусом, а потом ещё успеть на всенощную. Вздыхая и ворча себе под нос, она взялась за стряпню.

Почувяв из кухни мясные запахи, голодный «злодей» выполз из своего укрытия и осторожно процокал коготками по старенькому коридорному линолеуму.

– Ну? – грозно спросила Максимовна, увидев торчащую из-за дверного косяка робкую шоколадную мордочку. – Зачем пришёл? Звали тебя, что ли?

Мордочка спряталась. Потихоньку выглянув, старушка увидела, что щенок понуро сидит у стены, широко расставив передние лапки и словно раздумывая, зачем судьба поманила его надеждой на добрую хозяйку, а сама подсунула эту вредную бабку, и можно ли в таком случае вообще ожидать от жизни чего-то хорошего. На мордочке у него отражалось бесконечное уныние.

Максимовна испытала даже что-то вроде сочувствия: ей сегодня до первой звезды тоже есть не полагалось, а угощение пахло до невозможности вкусно.

– Нечего баловать! – строго сказала она и щенку, и себе, после чего опять ушла на кухню, где на сковородке шкворчал, исходя жирком и праздничными ароматами, окорочок, а в эмалированном сотейнике бодро побулькивал наваристый грибной бульон.

Время от времени она искоса поглядывала на проём двери, но щенячий нос больше не показывался. Зато из гостиной вскоре раздался громкий зловеющий стук. И не один. Максимовна, только успевшая снять сковородку с огня, вздрогнула и побежала туда. Зрелище было, как говорится, не для слабонервных. Сам по себе упавший торшер серьёзно пострадать не мог, но в полёте он зацепил кружевную салфетку, уголкем свисавшую с буфета. Салфетке тоже ничего сделаться не могло, но на ней Максимовна для красоты расставила маленьких фарфоровых оленят, купленных давным-давно, свой фотопортрет минувших молодых годов в пластмассовой позолоченной рамке и букетик сухих бессмертников в крошечной фаянсовой вазочке. Оленята при падении растеряли кто хвостик, кто ножки, кто ушки. Вазочка разбилась

вдребезги, а рамка от портрета треснула в двух местах и теперь годилась только на помойку.

– Ах ты!.. – вскрикнула Максимовна, давась возмущением. – Ты где?!

Ей, конечно, никто не ответил. Осматриваясь, она очень скоро наткнулась на влажный взгляд карих собачьих глаз, блестевший из дальнего угла под буфетом. Наученная опытом, она не пошла за веником, а быстро вернулась на кухню, скрепя сердце, отрезала от окорочка кусочек поджаристой шкурки и с ним вернулась в комнату.

– Иди сюда! – с фальшивой ласковостью позвала она. – На, на! Иди сюда, кому говорю!

Стремительно нагнувшись, она протянула руку, готовясь схватить смышлёного пса за шкурку и попросту выкинуть за дверь. Щенок оказался проворнее, он отпрыгнул в сторону, развернулся, слегка пробуксовав лапами по линолеуму, и опрометью кинулся в гостиную прятаться под мебель. Но его ожидал ужасный сюрприз: коварная старуха, выманивая его в прихожую, успела плотно закрыть двери в комнаты и кухню! Бедняга заметался, запутался, прошмыгнул между войлочными тапками грозно приближавшейся санитарки и вылетел в единственный открытый дверной проем... На лестницу.

Максимовна тут же захлопнула дверь и облегчённо вздохнула. В глазок щенка видно не было, но стоило ей прильнуть к прохладному стеклянному кружку, как с той стороны под дверью залаяли, заскулили и зацарапали лапами. Максимовна мрачно покачала головой, представив, во что могут превратиться её придверный коврик и дерматиновая обивка.

Потом она пошла на кухню, где соус успел перекипеть и загустеть, так что в нём могла стоять ложка. Поправив дело, насколько было возможно, Максимовна прибрала в гостиной. Двух фарфоровых оленят и рамку пришлось выбросить в мусорное ведро, в торшере заменить лампочку. Подметая кусочки стекла, оставшиеся от вазы, старушка почувствовала, что ноги её уже почти не держат. А ведь еще предстояла всенощная...

Санитарка поставила будильник на восемь часов и прилегла в спальне на застеленный зелёным одеялом диван, собираясь часок подремать. Из-за двери, ведущей на лестницу, доносились слабые жалобные звуки: это щенок

горько оплакивал своё изгнание.

Максимовну уколола совесть. В конце концов, рядом было маленькое беззащитное существо, невесть как брошенное в чужой подъезд, голодное и одинокое...

Усталая Максимовна погрузилась в сон, очень походивший на явь. Ей снилось, что у неё в комнате вдруг всё стало золотое, как будто со всех сторон сразу лился свет, какой бывает утром при восходе солнца. Он был такой яркий, что виделся одинаково и открытыми глазами, и сквозь опущенные веки. И ещё было очень тепло и покойно, только почему-то щемило в груди.

А самое странное и удивительное было то, что посреди комнаты стоял невысокий, очень красивый мальчик и внимательно смотрел на Максимовну. Максимовна сразу же села. Сердце у неё быстро-быстро заколотилось, потому что на всём свете мог быть только один такой замечательный мальчик, как этот...

– Серёженька, – изумленно сказала Максимовна, – сынок, как ты сюда попал? Да какой ты стал славный, румяный! Я тебя и не узнала...

– А ты, мамочка, меня часто не узнаешь, – грустно улыбнувшись, ответил Серёжа. – Сколько раз я в твоём отделении бывал, и ты меня то ругала, то гнала, а один раз даже тряпкой грязной на меня махнула!

– Как это? – не поверила Максимовна. – Не может быть! Когда же?

Серёжа ничего не сказал... Вдруг ей припомнилось больничное отделение, длинный крашенный коридор, маленькие мальчишки, стайкой бегущие от злющей бабки, которая машет на них шваброй... И ведь бабка-то – знакомей некуда, каждый день хмуро смотрит на Максимовну из зеркала! Золотые струны лучей жалобно зазвенели.

– А ещё, мама, помню, я лежал совсем один с высокой температурой, и мне хотелось, чтобы кто-то из взрослых подошёл и сказал мне что-нибудь в утешение: мол, не горюй, ты обязательно поправишься, не плачь, скоро будет легче. А ты прибиралась рядом и в мою сторону ни разу не посмотрела...

– Что ты говоришь, сыночек?

А перед глазами уже встала другая картинка. Случалось такое, сколько раз случалось, только дети всё-таки были незнакомые. И чем горячее Максимовна спорила с сыном, тем грустнее

у него делался взгляд. И свет вокруг ярче разгорался, так что уже глаза еле-еле выносили. А как тоскливо щемило сердце, даже сказать нельзя.

– Или вот, заглянул я как-то в храм, куда ты ходишь. Подошёл к аналою, любовался, слушал, как поют псалмы... А ты стояла позади меня и ворчала, что всё у меня не так и зачем такие, как я, вообще сюда ходят...

Тут старушка наконец не стерпела:

– Да что ты, Серёженька, разве я когда-нибудь тебе такое говорила? И ведь ты умер давно! Это все чужие дети!

Тут Серёжа посмотрел на мать так печально, что у той в глазах помутнело и защипало от выступившей соленой влаги.

– А ты представь, мама, вот умрёшь и ты, придёшь к Господу, и Он тебе скажет: «Не хочу тебя знать, чадо, ты Мне чужая!» Каково тебе тогда будет?

Максимовна услышала и залилась слезами. И вдруг свет перестал жечь, а Серёжа повеселел.

– Я, когда на земле жил, не любил, если ты плакала. А теперь понимаю, что покаянные слезы – огненные, но за них Господь нас больше всего утешает. Пойдём, мама, скоро случится великое чудо.

И сейчас, когда сияние уже не резало глаза, Максимовна разглядела за спиной сына два ясных блистающих крыла. Как удалось её собственному телу оторваться от земли, она так и не поняла. Внизу темнел и мерцал огоньками город, а навстречу летел чистый и сладкий, как родниковая вода, ночной воздух.

– Гляди-ка, Серёжа, в скольких окошках свет, сколько людей не спит...

– Это не окна, мама, это рождественские свечи в храмах. Смотри теперь не вниз, а вверх, нам туда нужно.

А вверху сверкала звезда, ярче которой старой женщине видеть никогда не приходилось. Этот свет делался всё ближе, и чудилось, как будто в тёмном небе открывается дверь в ярко освещённую комнату... Но это оказалась не комната, а храм, такой огромный и царственный, что захватывало дух. Он весь был полон звуков, весь горел золотом и яркими красками, словно живая радуга. Струился свет, струились певучие голоса, и такая невыразимая сладость теснилась в сердце, что слёзы сами лились из глаз, и нельзя было сказать, от радости они или от

мучительной бессловесности. Невидимый хор пел: «Аллилуйя».

– Сыночек, это рай?

– Нет, мамочка, только преддверие. Мне позволили тебя сюда ненадолго привести, чтобы ты порадовалась. Я за тебя долго-долго молился!

– А можно поближе к Царским вратам подойти? Так хочется посмотреть!

– А ты сделай несколько шагов и сама всё поймёшь. Мы с тобой сейчас у самых дальних дверей стоим.

Только один шаг и смогла сделать Максимовна, дальше ноги не понесли. Такая была кругом красота – и добрая, и грозная, и ласковая, и пламенная, – что старушка не посмела больше двинуться. Стояла, смотрела, слушала, а то, что ни глазам, ни ушам не под силу, вбирала сердцем.

Окружающее торжество нарастало, близился великий час. Где-то на земле, в бедном вертепе, облекался в человеческую плоть Господь Бог, чтобы люди могли не только стоять в слезах перед дверями рая, чтобы они могли обрести дорогу и дальше... А когда настала минута самого большого ликования, Максимовне подумалось: «Господи! Вот так бы и умереть, в такой благодати!»

Но она не умерла, а вернулась опять домой, в свою спальню. Серёжа ещё был с ней, тёплый и лучистый, как маленькое солнышко.

– Сыночек, ты сейчас уйдёшь! Я теперь всё буду делать, чтобы мы с тобой опять встретились. Помолись за меня перед Господом, пусть Он мне поможет. Ох, если бы я могла тебя обнять, как раньше!

– Я, мамочка, за тебя всегда молюсь. Если бы ты знала, как ангелам жалко людей, как мы о вас часто плачем!

Максимовна почувствовала на своём лице ласковое, глядящее тепло, как прикосновение нежного крыла... Голос сына сказал тихонько прямо у неё над ухом:

– А собачку ты не выгоняй, это я её для тебя попросил!

– Да зачем же она мне, Серёженька?

– Для веселья, мама. Я ведь вижу, какая ты всегда грустная. Помнишь, когда мы ещё с тобой вместе жили, я всё хотел маленького щенка?

– Помню. Уж как я потом себя корила, что отказывала тебе, как жалела!

– Больше об этом не жалею. Ты теперь и

других детей полюбишь ради Господа и меня, а собачка будет тебя дома ждать, встречать, радоваться... Господь по-разному наши сердца смягчает. А на суде Он и зверям даёт речь, чтобы они о нас свидетельствовали, ты это знай. Спаси тебя Христос, мама! Мне пора.

Тут Серёжа исчез, а Максимовна проснулась в слезах. Она с испугом обнаружила, что за окном светает. Её сон оказался таким крепким, что она совсем не слышала, как прозвенел будильник, а сейчас был уже седьмой час утра.

– Всенощную проспала! – ахнула Максимовна, но тут же прислушалась к себе и вспомнила, какая великая радость ей подарена во сне.

Да ведь была, была она на всенощной вместе с Серёжей! Она встала на колени перед иконами, долго молилась и благодарила Бога. Потом вытерла слёзы и... вспомнила о последних Серёжиных словах.

За дверью на лестницу было тихо. Дом ещё спал, ничьи шаги не тревожили каменных ступенек. Максимовна в тревоге приоткрыла дверь и выглянула. Щенок лежал на коврик, свернувшись зябким калачиком, и, услышав шум, поднял голову. В его больших блестящих глазах недоверчивость боролась с надеждой. Последняя, несмотря ни на что, побеждала.

– Ну, заходи, что ли! – неловко позвала санитарка и посторонилась, чтобы щенок мог прошмыгнуть мимо неё. Но он не трогался с места. – Что, обидела я тебя вчера? Ну, прости меня, не сердись. Пойдём!

Собачка, подумав, поднялась и нерешительно заглянула в прихожую. Воспоминание о вчерашнем вечере мешало ей безбоязненно переступить порог.

– Вот беда! Ну и как же нам – до обеда в дверях стоять? Иди, мой хороший, иди сюда! Иди, я тебе за ушком почешу!

Наверное, в собаках больше веры в человеческую доброту, чем в нас самих. Щенок сделал несколько осторожных шажков, вопросительно посмотрел на Максимовну и, увидев, что она не злится и не собирается хвататься за веник, потихоньку вошёл в квартиру.

– Ну, слава Богу! Дай я тебя поглажу... Молодец, умница!

Обрадованный лаской гость мигом повалился на пол, подставляя Максимовне светло-коричневое брюшко.

– Ой, да ты девочка, оказывается! Ну, давай почешу пузо, давай... Какая же ты хорошенькая, прямо плюшевая... Плюшка и есть! Идём, позавтракаем тем, что Бог послал. Плюшка, Плюшка!

Плюшка на этот раз не заставила себя упрашивать.

Пристально рассмотрев витрину киоска, Максимовна выбрала самый большой и яркий апельсин. Продавщица поупиралась, но в конце концов согласилась вынуть его из-за стекла для настырной покупательницы. После этого старушка забралась в автобус и поехала на другой конец города, крепко держась за свою потёртую кожаную сумку.

День был замечательно солнечный и одновременно морозный. Автобусное окно заиндевело, поэтому сквозь ледяные цветы не было видно улиц, по которым извивался и петлял маршрут.

Максимовна вышла на Северо-западном разъезде. Район был новый, для неё незнакомый, раньше она никогда в эти края не попадала. Вокруг стояли высотные дома, между которыми в снегу зябли разноцветные детские площадки. Санитарка огляделась в надежде увидеть Катю катающейся с горки или бегающей вокруг лазалок. Но было холодно, горки и лазалки пустовали.

Адрес Максимовна запомнила наизусть, у неё вообще была очень хорошая память,

несмотря на возраст. И дом, и подъезд нашлись быстро, теперь оставалось подняться в лифте на шестой этаж.

Почему-то очень быстро билось сердце, и вообще Максимовна волновалась. За долгие годы сердитого недовольства она совсем разучилась ласково обращаться с людьми. Оказавшись перед чужой дверью, обитой коричневыми рейками, старушка достала из сумки Катиного игрушечного щенка и апельсин, но всё никак не решалась позвонить. Её даже охватила паника, было совершенно непонятно, что говорить и как себя держать. А если её вдруг начнут благодарить, тогда что делать? Вот беда-то...

«Да что это я? – рассердилась Максимовна на саму себя. – Как будто в лес к медведям иду!»

И вдруг вспомнила, как, бывало, гордилась тем, что к ней самой боялись подходить с просьбами...

«Что же я скажу? Ох, Господи, помоги, надоумь Ты меня! Каково им-то раньше было со мной разговаривать? Поди, тоже поджилки тряслись... Ладно, не топтаться же вечно у порога, раз пришла. Ну, с Богом!»

Она вздохнула, тщательно перекрестилась и нажала на пухлую белую кнопку звонка.

Лариса Подистова

из книги «Рождественские истории о котках и не только»

Объявление

Уважаемые члены Свято-Николаевского прихода и гости нашего храма!

Решением Приходского совета от 18.04.21 установлен следующий порядок подачи поминальных записок (книжек) и записок о здравии.

Если вы хотите, чтобы во время Литургии поминались родные и близкие из вашего списка (об упокоении и о здравии) в течение года (на всех службах), вам следует сделать пожертвование в размере \$75.

Для одноразового поминания по списку (об упокоении и о здравии) – пожертвование в размере \$5.

Одноразовое поминовение включает 1 просфору.

Годовое поминовение включает по 1 просфоре на каждую службу.

Дополнительные просфоры можно приобрести отдельно, стоимость одной просфоры - \$1.

Благодарим за понимание!

О ЗАВИСТИ

– А знаешь, я им завидую, – говорила как-то моя знакомая Инга об ещё одних наших общих знакомых – Сергее и его жене Дусе. – Свободные люди. Детей нет. Занимаются, чем хотят, ездят, куда хотят. Воля.

У Инги трое детей, все погодки. Активные, шепутные. У них с мужем давно уже один маршрут – дом-сад-школа-занятия-прогулки-прийти домой и упасть. Хотя и упасть часто не получается. Готовка, уборка, стирка, глажка. Иногда скандалы по причине усталости. Летом затрапезная родительская дача. Всё.

А я слушала её и вспоминала слова, которые часто повторяет отец Евгений, когда я ему каюсь в своей собственной зависти:

– Лен, ты не знаешь, чему завидуешь. Не знаешь жизни этих людей. Но это их счастье для тебя может быть неподъёмно. Оно тебя раздавит. Живи свою жизнь! Не смотри на других.

В первый раз батюшка сказал мне это 15 лет назад, когда я была беременна Варварой. Я тогда ныла, что у меня токсикоз, мне плохо, и вообще всё не так. Муж чашку за собой не помыл, а я еле ползаю. И мы поругались... Денег нет. Люди работают, развиваются, а я дома сижу... Все кругом такие светлые, православные, у всех всё хорошо, а у меня тонкая душевная организация и никто меня не понимает. И завидую я, вон – Игорю с Дашей. Прихожанам отца Евгения.

Мне кажется, им многие завидовали. У них пятеро детей, а они такие красивые, радостные и... влюблённые. Как молодожёны. Они ухаживали друг за другом. Помню, как Игорь как-то сорвал какой-то цветочек и протянул Даше. А она засмушалась, заулыбалась. Как девчонка. И расцвела, как тот цветок...

– Ты знаешь их историю? – спросил меня отец Евгений. – Нет? Иди – познакомься поближе. Благословляю...

И я познакомилась.

...И для Игоря, и для Даши это второй брак – очень счастливый. Казалось, Ангел раскрыл над ними свои крылья и охраняет от всяких бед. «И так было всегда», – думали многие.

Но познакомилась Игорь с Дашей на кладбище. Их счастье, которому я завидовала, началось там – среди горя, боли и слёз.

Игорь плакал на могиле своей первой жены Ирочки и всё спрашивал:

– Что мне говорить нашему сыну?

Они поженились ещё в институте, любили друг друга. И все вокруг их любили. Потом родился сын Илюшка и казалось, счастью не будет конца. И впереди прекрасная, полная света и радости жизнь...

– Я быстро, туда и обратно, – сказала Ира мужу. – Не случай. Я люблю тебя!

Она бежала в детский сад за сыном. У него был день рождения, и дома его ждали подарки, шары, праздничный торт, любовь, тепло и счастье, которые будут всегда.

Через пять минут на пешеходном переходе Иру сбил насмерть пьяный водитель. Игорь хотел покончить с собой. Но его спас прохожий.

Он пил на кухне ночами водку, когда Илюшка, копия Иры, ложась спать, плакал и спрашивал: «Где мама?»

И на следующий день шёл на кладбище...

Даша тоже часто ходила на кладбище. Уставшая от жизни и боли девушка с огромными, выцветшими от слёз глазами. Она приходила сюда к мужу Юре. Иногда приводила с собой их мальчишек-двойняшек. И вместе они ухаживали за могилой.

В зазнайку Дашку Юра влюбился в пятом классе. А она его разглядела только в 17 лет, когда тяжело заболела гриппом. Он приходил в больницу каждый день. Единственный из всех ухажёров. Через год они поженились.

Юра обожал свою жену. И то, что у них уже пять лет не было детей, его не смущало. Радостное известие о долгожданной беременности пришло почти одновременно с другим, страшным. У Юры обнаружили рак желудка.

Даша ухаживала за мужем. А он до последнего улыбался и говорил, что всё будет хорошо. Двойняшки Вася и Ваня родились уже без него...

И для Даши, и для Игоря всё тогда закончилось. Но там, на кладбище, познакомилась их мальчишки: Илюшка, Вася и Ваня. И познакомил родителей. Через год отец Евгений их венчал. И сейчас у Илюшки и двойняшек Васи и Вани есть ещё две сестрёнки – Наденька и Полина...

Нет, не всё было просто. Игорь сначала пил, пропадавал на несколько дней. Даша два

раза лежала в неврологической клинике. Но со временем всё наладилось. И тогда, в храме, глядя на них, светлых, окружённых толпой радостных детей, многие даже не предполагали, через что им пришлось пройти.

Да, они счастливы. И берегут своё счастье. Потому что знают, что оно зыбко и может закончиться прямо сейчас. И нужно ловить каждую его секунду.

Но скольким же людям мы завидуем, не догадываясь, как и чем они живут.

Я завидовала Свете. Дочери – умницы, красавицы, ходят в элитные гимназии. Она сама как модель. Всегда ухоженная, нарядная, отдохнувшая. Муж какой-то топ-менеджер. Я его и не видела никогда. Машина у неё в цену, наверное, нашей квартиры. Няня, помощница по хозяйству.

Сама Света после замужества не работала никогда. Все её дела, как мне казалось – это хорошо выглядеть и раздавать домашнему персоналу ценные указания. А ещё места отдыха выбирать. Она с детьми месяц в Париже, месяц в Испании, зиму – на островах каких-то. А недавно девочки захотели сходить в кино и папа снял для них двоих целый зал. Ковид же.

Понятно, что так было не всегда. Когда-то мы со Светкой учились в одной школе, и завидовать тогда было нечему. Но потом она «взлетела».

– Везёт тебе, Светка, – сказала я ей как-то по телефону.

А Светка, оказывается, хочет жить обычной жизнью и завидует своей домработнице Наталье. Наталья приходит домой уставшая, после уборки двухэтажной Светиной квартиры, а там, в маленькой двушке её ждёт муж-пенсиянер. Он жарит ей котлеты и наливает чай с имбирем. Всё, как она любит. И до поздней ночи они говорят.

А Света уже не помнит, когда они с мужем ужинали вместе. И когда он спрашивал, как у неё дела. Ему не до того.

Да и знает Светка, что есть у него другая женщина. Как-то попыталась устроить скандал, но муж пригрозил, что заберёт детей. И живёт она – красивая и ухоженная – в своей золотой клетке, и единственный человек, с кем она может поговорить по душам и поплакать – это домработница Наташа...

Многие завидовали Миле... А Мила, как

оказалось, завидовала мне. Она была очень хороша собой, всегда модно одета и, похоже, легкомысленна и самоуверенна. Мужчины у неё менялись с завидной регулярностью.

А ещё она была чайлдфри. Пока мы, замученные мамы с беременными животами и дёргающимися глазами, лазили по горкам и деревьям за своими неуправляемыми, перепачканными детьми, Мила, как специально, прогуливалась мимо нас со своими холёными собаками и бросала в нашу сторону полные презрения взгляды.

– Развела тут псарню, лучше бы ребёнка родила, – неожиданно громко произнесла однажды какая-то нервная бабушка с внуком.

– Не ваше дело! – резко обернулась Мила.

А потом она подошла ко мне в нашем храме. Я тогда очень удивилась.

– Это же вы всегда гуляете в парке со своими девочками?

– Я... А вы – с собаками...

– Я всегда смотрю на вас с дочками, на других мам и прямо любуюсь, – сказала она. – И завидую...

И мне захотелось провалиться сквозь землю. Потом мы долго говорили и она плакала.

Мила всегда хотела много детей. Первый муж бросил её после двух замерших беременностей и диагноза «бесплодие». Второй и третий ушли по той же причине. Чтобы было не так одиноко, Мила завела себе щенка. А потом знакомые попросили её подержать у себя их собаку, пока они делали ремонт. Так и оставили. А третьего пса Мила подобрала зимой на улице. Жалко стало.

Она решила взять ребёнка из детского дома. Маленького, большого – не важно. Ей очень понравился шестилетний Коля. Но Колю Миле не отдали. Оказалось, что его мама не лишена родительских прав. И были ещё какие-то проблемы с документами.

Потом появилась четырёхлетняя Леночка. Девочку уже два раза брали и оба раза возвращали.

– Ты меня тоже вернёшь? – спросила девочка.

– Не верну!

Но с удочерением Лены тоже случились какие-то сложности. Мила не стала уточнять.

– Но я буду за неё бороться.

Как сейчас, я не знаю, год назад Мила куда-то переехала. В тот день она пришла в храм впервые в жизни.

– Мне просто некуда больше идти...

И как же я хочу, чтобы всё у неё было сейчас хорошо... Чтобы та Леночка, наконец, назвала её мамой и знала, что больше её никто никуда не отдаст, чтобы встретила Мила мужчину, который станет отцом девочке. И чтобы играла она с теми тремя собаками. А потом случилось бы чудо и появился у Лены братик или сестричка. Так ведь тоже может быть? Правда?

Инга с тремя детьми завидовала Сергею и Дусе. Свободные, бездетные, вечно мотаются по каким-то санаториям. Могут себе позволить. А она – нет.

А у Дуси нет обеих почек. В 15 лет ей их удалили. Дважды врачи пытались подсадить хотя бы одну, но не удалось. Теперь, чтобы хоть как-то жить, Дуся должна была три раза в неделю делать гемодиализ. И так годами. Но в какой-то момент организм устал и уже не справлялся. Она умирала в больнице. Ела через гастростому и уже не вставала с кровати.

А Сергей приходил в больничный храм, пел на клиросе, помогал священнику, иногда ходил с ним по палатам к больным. Так он встретил Дусю. Сергею очень захотелось как-то ей помочь. Он начал навещать её, приносил какие-то маленькие подарки, о чём-то рассказывал.

Однажды он пришёл в больницу и увидел, что Дусина кровать пуста. И матраса нет. Так обычно делали, когда кто-то умирал.

Как обезумевший, он бегал по коридору и кричал: «Где? Где она?!...»

– Да все хорошо с твоей любимой, малахольный, – сказала, улыбаясь, старенькая санитарка. – В другой палате она.

«Любимой?» – удивлённо повторил Сергей. А ведь и правда – любимая.

В тот же день Сергей сделал Дусе предложение. А на её удивлённый взгляд ответил: «Ты встанешь, и мы поженимся».

Через неделю Дуся попросила врачей убрать гастростому, и Сергей начал кормить её с ложки. Он делал ей массаж затекших рук и ног и возил на коляске гулять в больничный сквер. И в церковь.

Однажды она встала и пришла в храм, опираясь на руку сияющего Сергея. А потом сама. Начала петь с ним в церковном хоре. Быстро уставала, но с каждым днём ей становилось всё лучше.

Там же, в больничном храме, их и обвенчали. А вскоре Дусю выписали.

Ей так же приходится делать три раза в неделю гемодиализ. Но теперь с ней Сергей. Он заботится о ней. И любит. И она любит... И живёт. К удивлению врачей, которые только разводят руками.

Сергей и Дуся много путешествуют. Это правда. Естественно, по тем местам, где Дуся может делать свои процедуры. Ей по инвалидности положены путёвки, и Сергей её везде сопровождает. Детей у них нет, потому что у Дуси их быть не может.

Да, они счастливы. Но под силу ли Инге такое счастье?

А есть люди, которым никто не завидует. Кажется всем, что они должны быть очень несчастными.

Есть у меня хорошая знакомая. Наша прихожанка, Вероника. У неё детский церебральный паралич вследствие родовой травмы. С инвалидностью и её супруг. У него тоже ДЦП. И у них трое детей. У средней, Танюшки тяжёлая умственная отсталость. А ещё несколько лет назад она страшно обгорела. Вылила на даче в костёр жидкость для розжига, и теперь лицо, руки, тело у неё в страшных ожогах и шрамах.

Вот посмотрит кто-нибудь на них – маму, которая медленно ведёт за руку по улице свою особенную дочь – и обязательно посочувствует. Подумает: «За что им это? Такая боль...»

А я часто общаюсь с Вероникой и с удивлением понимаю, что боли-то никакой нет. Интеллигентная, образованная, интересная женщина. Из семьи дипломатов. Много лет жила за границей, закончила школу, институт. Потом вышла замуж.

– Тогда сайтов знакомств не было. Дала объявление в газету. Предложений пришло много. Даже грек какой-то обещал моей маме увезти меня в Грецию, жениться и вылечить.

Но вышла она за Алексея, разносчика газет с таким же, как у неё диагнозом.

Старшая дочь уже работает, а ещё прыгает с парашютом. Младший сын учится в музыкальном училище. Танюшка только вечный ребёнок... Но Вероника как-то сказала:

– Знаете, если в семье не родится больной ребёнок, родители могут многого не понять об этой жизни.

Не знаю, что конкретно поняла о жизни эта семья, но я только один раз слышала, чтобы они

жаловались – когда обгорела Таня. Но в такой ситуации любой бы переживал. В остальном это самые светлые, жизнерадостные и благодарные Богу и всем вокруг люди, которых я когда-либо встречала.

– Знаете, я никогда не считала себя инвалидом, – сказала Вероника. – Меня так воспитывали. Я всегда жила среди здоровых людей и никогда не чувствовала себя больной. Мой случай – он, наверное, не типичный... Я вообще всегда жила, как у Христа за пазухой. Никто никогда не говорил мне ничего обидного. Все меня всегда любили...

Вероника не раз предлагала мне помощь: сходить в магазин, присмотреть за детьми.

– Я сбегаю, вам же так трудно, – говорит она. Мне трудно! Не ей!

Она часто делает моим девочкам подарки, нарисовала для нас прекрасные картины и зовёт к себе на дачу под Сергиев Посад. У них коты, собака и черепаха. И дома у них тепло и уютно. Я была...

Да... Люди смотрят на них со стороны и сочувствуют... А им можно было бы позавидовать, если бы зависть не была грехом.

Какой-то удивительной внутренней цельности Вероники. Или удивительным отношениям, любви в их семье.

Помню случай. Танюше уже восемнадцать лет, и её нужно лишить дееспособности и оформить

над ней опеку. Я тогда встретила Веронику в храме, и она мне сказала, что родителям с инвалидностью могут не дать опеку над детьми:

– Такие вот законы.

Я начала её утешать, что всё ещё получится. Мы все за них помолимся.

– Да всё нормально, – ответила она мне. – Просто странно. Я восемнадцать лет её растила, а теперь вот не имею права. А оформить опеку над Таней для нашей семьи не проблема. У нас куча родственников...

Мне кажется – это огромное счастье, когда в семье взять ответственность за человека с инвалидностью – «не проблема». Когда не бросают слабого и не страшно смотреть в будущее. И стоит стремиться так воспитывать своих детей.

Но человек слаб... Он часто завидует «обёртке». Если бы заранее знать, что под ней.

Поэтому прав отец Евгений: надо жить свою жизнь. Как вот эта Вероника. Как Серёжа с Дусей. Как Даша с Игорем... Не смотреть, что там у других, а жить своей жизнью. Ведь только в своей жизни мы можем быть счастливы. Не в чужой. Только сегодня и сейчас.

Елена Кучеренко
www.pravmir.ru/

Хроника скаутской жизни

Совсем недавно в Рунке прошёл летний лагерь нашей дружины, и вот уже происходят новые скаутские мероприятия.

Ещё в лагере, видя интерес ребят к походам на каяках, мы решили до наступления зимы провести многодневную речную экспедицию по Муррею. Поскольку только часть ребят имела предыдущий опыт участия в таких экспедициях, надо было ребят подготовить. Мы провели серию сборов, где рассказали ребятам всё о подготовке к походу: какие брать вещи и как их упаковывать. Отдельный сбор был посвящён практическому использованию походных печек, а также на последний сбор ребята принесли все свои вещи в упакованном виде, а руководители привезли на сбор каяк, и ребята смогли реально увидеть,

сколько в походном каяке места, и всё ли войдёт. Первоначально мы планировали провести поход на длинные выходные в начале апреля, но на эти выходные выпала редкая для апреля жара (+35), и мы решили перенести поход на 3 недели, благо это тоже были длинные выходные. Благодаря отсрочке мы смогли изменить первоначальный маршрут похода, существенно его улучшив.

Дело в том, что в начале апреля была католическая Пасха, и на эти дни все караван-парки и места кэмпингов были забронированы за много месяцев вперёд. А в конце апреля ситуация была гораздо лучше, и мы смогли остановиться в тех местах, которые до этого нам были недоступны, и благодаря этому мы смогли сделать маршрут более интересным. Каяки мы

взяли напрокат у австралийских скаутов, и трое австралийских лицензированных руководителей согласились помочь нам с проведением похода: это наш старый друг Марк Шо, а также Давид Роджерс и Иен Голдфинч. Место было знакомо всем нам – с теми же самыми руководителями, но без детей мы уже ходили на разведку по похожему маршруту.

Итак, в пятницу 23 апреля мы собрались в караван-парке в месте Cobdogla. Прямо из караван-парка есть выход в лагуну, которая соединяется с Мурреем. Переночевав в караван-парке, рано утром мы отправились в трёхдневную экспедицию по Муррею. Наша группа включала 17 человек: 11 наших скаутов от 12 до 16 лет, 4 лицензированных руководителя (автор этих строк и трое австралийских руководителей), и ещё двух взрослых кандидатов в руководители (Елена Муравьёва из нашей дружины и взрослый сын одного из австралийских руководителей, который тоже готовится стать руководителем). Все запасы еды и воды мы везли с собой, никакой возможности «дозаправки» по дороге у нас не было. В первый день мы сначала шли по основному руслу Муррея, затем свернули в ручей и дальше весь день шли по ручьям и лагунам в окрестностях места Loch Luna. На

обед мы остановились рядом с холмом Sugarloaf Hill. Так как мы с утра несколько задержались с отправлением (сказалось то, что большинство ребят были новичками в речных походах), мы решили несколько сократить длину послеобеденного маршрута, чтобы успеть дойти до места ночёвки засветло. В итоге мы прошли в этот день около 12 км. Места были очень живописными, причём там не было больше никого, так что мы наслаждались единением с природой. Придя на место ночёвки, мы провели операцию по высадке, что тоже было не просто, так как надо было причаливать по одному, относя каяк в сторону и освобождая место для следующего. Затем мы разбили лагерь в положенном для кемпинга месте и поужинали.

Место было дикое, без каких-либо удобств, но зато там можно было разводиться огонь и вечером мы сделали костёр, собравшись у которого пели наши любимые песни. Австралийцам было интересно послушать наши песни, при этом мы также спели по-русски австралийскую «Матильду», переведённую с английского сиднейской поэтессой Галиной Лазаревой.

На следующий день нам предстояло проделать длинный путь, поэтому мы пораньше легли спать. С утра мы старались уже не повторять ошибок первого дня и в намеченное время, к 9 утра, были уже на воде. Мы прошли через лагуну Loch Luna и снова вышли в основное русло Муррея. По пути мы прошли через плотину, где ребята на практике увидели, как работает система шлюзования. С погодой нам очень повезло: было солнечно и почти безветренно, при этом не жарко. Мы дошли до северного изгиба Муррея – Overland Corner – и здесь остановились на обед. Затем мы вернулись к месту прежней стоянки, по пути разведав один из ручьёв и ещё раз пройдя через шлюз. Если в первый раз мы спускались по течению, то теперь

поднимались, и при подъёме в шлюзе нам надо было придерживать особые правила, чтобы не попасть в завихрения водных потоков от воды, заливающейся в шлюз. Общая протяжённость маршрута в этот день была порядка 22 км.

Благодаря тому, что мы ночевали в том же месте, мы утром второго дня не собирали лагерь, а оставили палатки на месте, что сэкономило нам время утром и вечером. Но на третий день нам надо было всё собирать и упаковывать. Однако с каждым днём мы становились всё более опытными, и в последний день мы практически вовремя собрались, отчалили от места стоянки и точно в расчётанное время прибыли в конечный пункт. Обратный путь пролегал сначала по новому ручью, а затем мы вышли в уже знакомое нам русло Муррея и дальше шли обратно вверх по течению до нашего караван-парка.

За три дня мы прошли в общей сложности около 45 км. и ребята получили бесценный практический опыт речных походов. Мы также оценили установленную на телефоне навигационную программу Avenza Maps, которая очень помогла нам в ориентировании среди запутанной системы извилистых ручьёв (советую её каждому, кто отправляется в поход по незнакомой местности, тем более, что она работает даже в условиях отсутствия телефонной связи). По ходу маршрута мы меняли ведущего, чтобы все смогли получить практические навыки в навигации на воде. У ребят были ламинированные карты маршрута и навигационные таблицы с контрольными точками и указанием направлений, а также компасы. Ведущему было важно следить за тем, чтобы замыкающие не сильно отставали и не терялись – надо сказать, что не все справлялись с этим требованием. По итогам похода лучшим ведущим и также лучшим походником стал Самуил Миссак.

Поход всем очень понравился, и теперь мы уже начинаем думать о проведении нового похода на весенних каникулах. Возможно, в этот раз поход пройдёт на каноэ и совместно с австралийскими скаутами, как мы это делали весной прошлого года. Следует сказать, что после похода австралийские руководители похвалили всех наших ребят, особо отметив их организованность, подготовленность и самостоятельность.

Помимо речного похода и связанных с ним

сборов, мы провели субботник в нашей штаб-квартире, где заменили старые ковры на новые, а также избавились от части старых ненужных вещей (полный прицеп мусора был вывезен на свалку в день уборки и ещё один – спустя пару недель). Хочется поблагодарить всех, кто пришёл на субботник и в последующие несколько дней. Дело в том, что за один день мы не уложились, поэтому пришлось заканчивать в рабочие дни, чтобы успеть до Пасхи. И здесь нас выручили Андрей Жуковский и Андрей Урусов, помогавшие перетаскивать вещи, а особенно – Игорь Пышкин, который сделал основную работу по укладке новых ковров, а также с ним вместе мы заменили все разбитые стёкла в штаб-квартире. При этом все остальные тоже очень помогли – было очень приятно видеть общее желание помочь!

На 9 мая мы провели выезд в лес на шашлык, где мы смогли встретиться с новыми ребятами, желающими присоединиться к нашей скаутской семье. Желающие собирали грибы, ребята играли в футбол на поляне, была организована Викторина на знание истории Великой Отечественной войны, мы пели песни под гитару у костра.

Помимо уже упомянутого весеннего речного похода для старших разведчиков, мы планируем в середине октября принять участие в организованной австралийскими скаутами поездке младших скаутов (11-14 лет) в пещеры (Naracoorte).

Под вопросом также возможный совместный бивуак с мельбурнцами и сиднейцами на весенних каникулах. Очень надеемся, что к этому времени эпидемиологическая ситуация нормализуется и сообщение между штатами будет восстановлено.

ски. Константин Жуковский

Dr. Natasha Voin
LEVEL 6

SUITES 618-619

147 PIRIE STREET, ADELAIDE 5000

(facing Hindmarsh square)

PHONE: (08) 722 518 89

(говорим по-русски)

OPENING SPECIALS:

GAP FREE dental treatment for children under 18 years of age (and 25 years for those with BUPA)

GAP FREE check, clean and x-rays (if you do not have any private health cover you will find our fees very reasonable)

Refer a friend and get ½ price tooth whitening

With a bright, modern environment, friendly atmosphere, spacious rooms, and state of the art equipment, you will feel confident that we can provide you with a service that will keep you smiling!

We have flexible working hours, so come see us in your lunch break, or bring the kids in for gap free dental care!

We are preferred providers with BUPA, HCF, accept all major health funds, Dept of Veterans Affairs (DVA), South Australian Dental service (SADS), we bulk bill Medicare Teen Dental scheme and have HICAPS facility for on the spot claims.

**Morozov
Migration
Services**

Anna Morozov - специалист по миграционному законодательству Австралии и зарегистрированный миграционный агент **MARN 0852237**, NAATI сертифицированный переводчик (English-Russian), предлагает:

- бесплатную предварительную оценку шансов на получение виз в Австралию
- полное сопровождение иммиграционного процесса и/или платные консультации по вопросам связанным с визами:
- независимая профессиональная спонсируемая штатом/работодателем студенческие визы - визы партнера
- невесты - родительские визы
- туристические и Skills Assessment
- профессиональный перевод документов

Звоните: 08 8365 5550 / 0403 168 731

Пишите: info@morozovmigration.com.au

Damien Elberg

Peter Elberg

**Peter Elberg
FUNERALS**

The death of someone close, whether expected or sudden, is always a stressful experience for family and friends. Important decisions and detailed arrangements need to be made with the caring assistance of someone whom you can really trust.

**Serving the
Russian Orthodox Community
with professional care and
complete understanding**

***Proudly South Australian
Owned & Operated***

280 Grange Road, Flinders Park SA 5025 Ph: 8234 1266

